

СТУШАЙ МАМУ

МИХАИЛ КОРОТКИХ

АВТОБИОГРАФИЯ

ИСТОРИЯ ЖИЗНИ, ТРУДА, УСПЕХА
И ЦЕНЫ ДОВЕРИЯ

Михаил Коротких

Слушай маму

<https://litres.ru/74279642>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это не просто автобиография успешного предпринимателя. Это абсолютно реальная история, в которой нет вымышленных персонажей и придуманных событий. Это жизнь человека, прошедшего путь от деревенского мальчишки до одного из крупнейших застройщиков региона, пережившего лихие 90-е, большие деньги, опасные сделки, мировой покер, громкие победы и сокрушительные потери.

Но самое страшное испытание ожидало автора не в бизнесе. Человек, ради которого строилась целая жизнь, предал его. Собственная дочь, поддавшись чужому влиянию, обманным путём лишила отца практически всего имущества, перечеркнув десятилетия труда, доверия и любви.

Эта книга открывает закулисы эпохи, когда состояние создавалось не в офисах, а характером и смелостью.

Она рассказывает, как вести переговоры, почему иногда лучший способ победить в драке вовсе не вступать в неё.

Это история о доверии и предательстве, о цене слова, риске, ответственности и о том, как сохранить честь там, где многие теряли совесть.

Содержание

Краткая биография автора	9
ВСТУПЛЕНИЕ	27
Глава 1. Дед.	29
Глава 2. Семья	37
Глава 3. Как дед зарабатывал на семечках	41
Глава 4. Заработки на спирте и гены предприимчивости	46
Глава 6. Шалости детства	55
ЧАСТЬ 2. НАЧАЛО ВЗРОСЛОГО ПУТИ	59
Глава 7. Тренировка длиною в жизнь	60
Глава 10. Сделка века	74
Глава 11. Армия	80
Глава 12. Армия, гипноз, Александр Засс	91
Глава 13. Заработки в армии и возвращение домой	97
Глава 14. Бармен	102
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Михаил Коротких

Слушай маму

Оглавление

Краткая биография автора

ВСТУПЛЕНИЕ

ЧАСТЬ 1. ДЕТСТВО

Глава 1. Дед.

Глава 2. Семья

Глава 3. Как дед зарабатывал на семечках

Глава 4. Заработки на спирте и гены предприимчивости

Глава 5. Уход деда и конь Булат

Глава 6. Шалости детства

ЧАСТЬ 2. НАЧАЛО ВЗРОСЛОГО ПУТИ

Глава 7. Тренировка длиною в жизнь

Глава 8. О первых заработках.

Глава 9. Кулинарное училище.

Глава 10. Сделка века

Глава 11. Армия

Глава 12. Армия, гипноз, Александр Засс

Глава 13. Заработки в армии и возвращение домой

Глава 14. Бармен

Глава 15. Машина для батюшки

Глава 16. Нож за спиной и правила улицы

Глава 17. Воспоминание о баре. Александра Никаноровна

Глава 18. Сорок градусов удачи

Глава 19. Драка в ресторане (день пограничника)

Глава 20. Конкуренция среди баров, горячий шоколад

ЧАСТЬ 3. ПУТЬ НАВЕРХ И ПЕРВЫЕ СТРОЙКИ

Глава 21. Слушай маму

Глава 22. Новые неприятности и помощь тестя

Глава 23. Торговля джинсами и грозный начальник столовой

Глава 24. Первый дом. Трактор, «Победа» и труд

Глава 25. Самовары, роспись и одно хорошее дело

Глава 26. Авария и клиническая смерть

Глава 27. Миллион квадратных метров

Глава 28. Азарт стройки и третий дом

Глава 30. Горе-грабитель

Глава 31. Четвертый дом, флеш-рояль из кирпича и азартные игры

Глава 32. Переезд в квартиру и многоэтажное строительство

ЧАСТЬ 4. БОЛЬШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ И КРИЗИСЫ

Глава 33. Покупка фирмы и финансовая грамотность

Глава 34. Шишки и опыт

Глава 35. Аферист по металлу

Глава 36. Как старый Mercedes сэкономил миллион долларов

Глава 37. Выгодные сделки

Глава 38. Один против стаи

Глава 39. Цена партнёрства: от доверия до предательства

Глава 40. История одного участка

Глава 41. Цена доли

Глава 42. Яйца под наблюдением

Глава 43. Кровь компании

Глава 44. История одного обязательства

Глава 45. Цена слова

Глава 46. Квартира и бартер

Глава 47. Строительство заправок, бак-беглец и идея с покупкой недостроя

Глава 48. Навык совершать выгодные приобретения

Глава 49. Дом, построенный на спор, и закрытие «Сантех-строя»

ЧАСТЬ 5. НА ВЕРШИНЕ

Глава 50. Шум карт и тень мачете

Глава 51. Хозяйский расчет и база на улице Фанерная

Глава 53. «Тепличное»

Глава 54. Асфальтный завод

Глава 55. От магазина до базы отдыха

Глава 56. Уроки Лас-Вегаса

- Глава 57. Шеф-повар в сабо
- Глава 58. Судьбы за покерным столом
- Глава 59. Лед, клюшки и чужие игры
- Глава 60. Откровенно про проигрыши

ЧАСТЬ 6. ПРЕДАТЕЛЬСТВО СЕМЬИ

- Глава 61. Квартиры, подарки и появление зятя
- Глава 62. Амбиции зятя и подготовка к предательству
- Глава 63. Подарки с лошадиной силой
- Глава 64. Империя на песке
- Глава 65. Как из меня пытались сделать злодея
- Глава 66. Окончательное предательство и развод
- Глава 67. Обман вокруг
- Глава 68. Вещий сон
- Глава 69. Цена правды
- Глава 70. Осколки оставленного наследия
- Глава 71. Откровенно о дочери
- Глава 72. Цена доверия
- Глава 73. Попытка отобрать базу отдыха
- Глава 74. Кража электросетевого имущества
- Глава 75. Семь лет спустя

ЭПИЛОГ. ПУТЬ МУЖЧИНЫ

Вместо послесловия...

Краткая биография автора

Дата рождения 21 июля 1961 года

Семейное положение - разведен

Дети – имеет дочь 1985 года рождения

Трудовой стаж более 48 лет

Общий объем строительства, м2 – более 500 000 жилых и коммерческих площадей

Ранние годы и деятельность в 90-е

Михаил Иванович Коротких (род. 21 июля 1961) – предприниматель из Липецка. В молодости он начал заниматься **спортом**, увлекся хоккеем, шесть лет тренировался в ДЮСШ «Звёздный» под руководством тренера Виктора Куликова.

В 1990-е Михаил Коротких начал свой бизнес практически с нуля. Он вспоминает, что **в строительство попал случайно**: одолжил деньги школьному другу, но тот его обманул, поэтому Михаил Иванович был вынужден сам включиться в работу компании и заняться строительством. В середине 90-х он применял оригинальную стратегию: покупал участок, строил дом, пытался продать – не получалось, тогда сам вселялся в новый дом, после чего сразу находился

покупатель, готовый заплатить втрое дороже. **Так он переезжал 22 раза из дома в дом**, каждый раз продавая построенное жильё с прибылью. Такой подход позволил ему накопить первоначальный капитал. Однако, дефолт 1998 года чуть не поставил крест на бизнесе Михаила Ивановича – по его словам, **в 1998 году он потерял всё** .

Тем не менее, уже через несколько лет он сумел восстановиться.

Из воспоминаний Михаила Ивановича: «... в 2001 году я подвёз попутчицу, которая подбросила мне **бизнес-идею**. Я реализовал ее даже с большим размахом, чем представлялось изначально и *сразу поднял 8 млн долларов*».

Начало 2000-х годов стало переломным моментом: капитал, заработанный на новом проекте, позволил ему вернуться в стройку и закупить активы для будущего девелоперского бизнеса.

Создание и рост компании «Глобус 98»

В 1998 году Михаил Коротких основал строительную фирму **ООО «Глобус-98»**, которая под его руководством быстро выросла в одного из крупных застройщиков Липецкой области. В 2000-е компания реализовывала проекты жилищного строительства в Липецке (наиболее известны:

- **Элитный ЖК «Ворота города»**, за который Михаил Иванович был награжден знаком «Почетный строитель России»

- База отдыха «Горицы»
- Элитный клубный дом по ул. Нижняя Логовая
- Жилой дом по ул. У.Громовой,
- Коттеджный поселок малоэтажной постройки "ТА-УН-ХАУЗ" по ул. Ангарской
- м-н «Европейский»
- м-н «Елецкий»
- ЖК «Бородинский»
- Торгово-развлекательный центр на Саперном спуске, впоследствии ставший офисом «Глобус 98»
- Техничко-торговый центр по ул. Гагарина
- СОЦ «Сокол», и обзавелась разнопрофильными активами.

Уже к середине 2000-х Михаил Коротких был заметной фигурой: в 2007 году был избран Президентом областной федерации хоккея, в 2007-2008 годах - Президентом штаба хоккейных команд, в том числе команды «Сокол» (Липецкая область).

По настоящее время является спонсором и оказывает максимальное содействие многим нашим спортсменам. Среди которых, «один из лучших игроков «Флориды» - защитник хоккейной команды [Дмитрий Куликов](#), взявший кубок Стэнли в 2024 и 2025 годах, [Михаил Шкарин](#) - победитель Первенства мира по греко-римской борьбе в 2024 го-

ду и Первенства Европы U-20 по греко-римской, и многие другие выдающиеся спортсмены.

Михаил Иванович инвестировал в развитие спортивной инфраструктуры – планировал строительство ледового дворца и гостиницы для спортсменов. Эти проекты демонстрировали финансовую мощь «Глобус 98» в период её расцвета.

Деловой репутации Михаила Ивановича могли позавидовать многие. На протяжении всей его профессиональной деятельности, его грамотное управление компанией и верно выстроенные бизнес-процессы, отличало «Глобус 98» отсутствием «обманутых дольщиков», недостроев и любых судебных исков в адрес организации.

Завершение расцвета эпохи «Глобус 98» и новый проект Михаила Коротких.

К 2015 году управление компанией «Глобус 98», а также недавно созданным холдингом «Глобус Групп» было передано Михаилом Ивановичем другим людям.

После ухода Михаила Коротких из «Глобус Групп» финансовое состояние компании ухудшилось. Накопились долги и риски банкротства. В 2018–2023 годах кредиторы несколько раз пытались обанкротить структуры «Глобуса».

На конец 2019 года «Глобус-98» фигурировал ответчиком в девяти судебных спорах с совокупными требованиями около 20 млн руб.

Финансовая отчётность также отражала кризис.

На сегодняшний день Коротких Михаил Иванович едино- временно развивает несколько проектов.

Среди них: Коттеджный посёлок комфорт-класса «Олимп» с. Ситовка, Липецкий р-он; Жилой район «Авторский» ул. Железнякова, г. Липецк, а также в рабочем процессе находятся проекты по созданию книги, фильма-автобиографии Михаила Ивановича.

Отдельного внимания заслуживает **благотворительная деятельность** Михаила Коротких, который давно известен как меценат в сфере спорта. Ещё будучи главой «Глобуса», он вкладывал средства в детско-юношеский хоккей, поддерживал спорткомплексы. На сегодняшний день принимает активное участие в развитии спорта в г. Липецке, является генеральным спонсором региональных и международных хоккейных соревнований команд Хоккейной Ночной Лиги Липецкой области.

Благодаря патриотическому воспитанию и ценностям, привитым родителями, Михаил Коротких регулярно оказывает поддержку нашим защитникам на СВО, за что неоднократно награжден грамотами и благодарственными письма-

ми от командования и личного состава войсковых частей.

На сегодняшний день, большое внимание уделяется созданию благотворительного фонда «Анна», деятельность которого будет так же направлена на поддержание интересующих Михаила Ивановича вопросов. А также разрабатывает проект создания Дома Престарелых.

Интересы: покер и хоккей – влияние на бизнес

Хоккей и покер – две большие страсти Михаила Коротких, которые во многом определили его образ жизни и даже повлияли на деловую репутацию.

Хоккей

Любовь к хоккею у Михаила Ивановича с юности: он сам играл, а став предпринимателем, активно поддерживал этот спорт на местном уровне. В бизнесе это проявилось положительно – **создал корпоративную команду «Глобус-98»**, которая занимала призовые места в чемпионате области. Он инвестировал в спортивные объекты.

Влияние хоккейного увлечения прослеживается и в стиле управления – Михаил Коротких играл за свою команду и известен жёстким, напористым характером, как на льду, так и в переговорах. Хоккей способствовал тому, что Михаил Иванович имел имидж крепкого хозяйственника и патриота города. **Хоккей для него – не просто хобби, а часть жизни.**

Покер

Если хоккей был известен лишь в липецких кругах, то **покер прославил Михаила Коротких на мировой покерной арене и всю Россию.**

В мире спортивного покера он известен под прозвищем *«дядя Миша»*, с имиджем бесстрашного и эксцентричного игрока. Широко цитируются его **легендарные фразы за покерным столом** – к примеру, звонкий призыв *«Заноси капусту!»*, который стал его визитной карточкой и хорошо знаком многим покеристам. Михаил Иванович – регуляр крупных турниров: он **заработал более \$1 200 000 призовых** за карьеру в офлайн-покере. Среди достижений: выход в топ-15 Главного турнира Европейского Покерного Тура (EPT) в Лондоне – он занял 13-е место и получил £25 000 призовых. Его наибольший выигрыш на сегодняшний день – 4-е место в турнире хайроллеров EPT Vienna, принесшее **61 400 евро**. Также, по сегодняшний день он является регулярным победителем на этапах Russian Poker Tour. Эти успехи подтверждают слова самого Михаила Коротких о том, что он играет *«в плюс»* – то есть **не проигрывает свои деньги, а зарабатывает на покере**. В интервью 2018 г. журналист специально проверил отчёты крупнейших турниров и убедился, что *Михаил действительно “плюсовой” игрок.*

География участия и одержанных побед в покерных тур-

нирах невероятно обширна. Приведем лишь часть стран, где знают Дядю Мишу как сильного игрока и достойного соперника за покерным столом:

- Австрия (Вена)
- Америка (Лас Вегас)
- Англия (Лондон)
- о. Багамы
- Германия (Берлин)
- Греция (Лутраки)
- Дания (Копенгаген)
- Египет (Шарм эль Шейх)
- Испания (Барселона)
- Ирландия (Дублин)
- Италия (Сан-Ремо)
- Кипр (Кирения)
- Мальта (Сент-Джулианс)
- Монако (Монте-Карло)
- Россия (Сочи)
- Украина (Киев)
- Франция (Девиль)
- Франция (Канны)
- Франция (Ницца)
- Франция (Париж)
- Чехия (Прага)

Таким образом, покер для него – не азартная забава, а сво-

его рода вторая профессия.

Умение просчитывать риски и читать людей в покере так же помогает ему и в бизнес-переговорах.

Как заметил сам Коротких, деньги для него никогда не были самоцелью – *«никогда не ставил деньги во главе угла»*, более азартен до процесса, идеи.

После возвращения с победой из очередного турнира, проходившего в Америке в 2017 году был встречен супругой фразой: «Я влюбилась», с последующим требованием развода и раздела имущества.

На тот момент он находился в браке 35 лет...

Коротких М.И. - чемпион турнира ЕРТ в Сан-Ремо

**Перечень построенных объектов ООО «Глобус-98»
и ООО СЗ «Олимп+» под руководством Коротких
М.И.**

N

Наименование объекта

Адрес объекта

г. Липецк

Площадь м2

Год постройки

1

Рынок строительных материалов «МИТКОР»

ул.50 лет НЛМК

2000

1997

2

ТЦ ГАГАРИНСКИЙ

ул. Гагарина, 108

8200

2001

3

Многоквартирный жилой дом №2
ул. Нижняя Логовая, 2
3261
2002

4

Многоквартирный жилой дом № 9
ул. Нижняя Логовая, 9
5787
2002

5

Центр Сокол с бассейном
ул. 40 лет Октября, 39а
2667
2003

6

Многоквартирный жилой дом 1б, в, г
с магазином и офисом
Пр. Победы
9006
2004

7

Многоквартирный жилой дом
ул. Энгельса, 5б
2200
2004

8
Усадебная застройка
ул. Баумана, 1-16
4000
2005

9
ЖК Бизнес-класса Пр. Победы
Пр. Победы, 71
28711
2005

10
Многоквартирный жилой дом 1а
с магазином и офисом
Пр. Победы, 117
4779
2005

11
Многоквартирный жилой дом 1д

с магазином

Пр. Победы

3800

2005

12

Коттеджный поселок «Ангарский»

Ул. Ангарская, р-он Сырский рудник

21020

2006

13

Коттеджный поселок

Пер. Усадебный

4000

2006

14

Многоквартирный элитный жилой дом

ул. Каменный лог, 15

1500

2007

15

ЖК «ВОРОТА ГОРОДА»

Пр. Победы, 128

12980

2007

16

Поселок таунхаусов

Клеверный пер. 1-24

21005

2008

17

Автобаза «Глобус-Авто»

Фанерная, 5

5000

2008

18

Технико-торговый центр

ул. Гагарина, 108

2811

2009

19

ЖК Ульяны Громовой

ул. У. Громовой, 15

15000

2010

20

ТРЦ на Саперном спуске

Кузнечный пер., 20

4600

2011

21

ЖК На Нижней Логовой

Нижняя Логовая, 6

18829

2013

22

Коттеджный поселок «Университетский»

М-н Университетский

5000

2014

23

ЖК «БОРОДИНСКИЙ»

Ул. Бородинская, 76; 47; 47а; 45, 49, 51

50000

2006-2014

24

База отдыха «Горицы»
Добровский р-он
20000
2016

25
Жилой дом
Подовражная, 16
700
2017

26
Поселок «Добровские лужайки»
с. Капитанщино
3000
2018

27
Многоквартирный жилой дом
м-н Елецкий
10 домов
183297
2013-2020

28
Коттеджный поселок комфорт класса «Олимп»

с. Ситовка, пер. Речной
19000
2024

ВСТУПЛЕНИЕ

Быть мужчиной – это не про то, сколько ты поднимаешь в зале или с кем ты дрался в подворотне. Настоящий мужчина – это не громкий голос, не шрам на брови и не пачка денег в барсетке. Это тишина внутри, когда всё рушится. Это когда ты не сдаёшься, даже если стоишь на краю.

Быть мужчиной – значит держать слово, даже если уже никто не держит тебя.

Строить, даже если руки опускаются.

Прощать, когда проще было бы отомстить.

Улыбаться, когда болит.

Отвечать – за дело, за людей, за семью, за ошибки.

Я был разным. Я был резким. Иногда жестоким. Иногда правым. Иногда – нет.

Я терял друзей, бизнес, близких, здоровье. Я видел, как тебя могут предать те, кого ты кормил. Как в один день можно оказаться ни с чем – без денег, без дела, без уважения. Но знаете, что я понял?

Если ты не держишь в себе зла – оно не держит тебя.

Если ты благодарен – у тебя всегда есть за что жить.

Если ты идёшь – рано или поздно выйдешь.

Меня били. Я бил. Я молился. Я падал. Я вставал.

И сегодня я не жалею ни о чём. Потому что всё это – я.

И всё это – мой путь.

Я не идеален. Но я мужчина.

А значит, я строю. До последнего.

Для себя, для других – и для Того, Кто смотрит сверху.

ЧАСТЬ 1. ДЕТСТВО

Глава 1. Дед.

Я родился 21 июля 1961 года в большой семье. Нас было семеро, а я шестой. Все мы, кроме матери, родились в городе. Мама же была из деревни Новое Дубовое – это между Воронежем и Липецком.

У деда по линии матери было большое хозяйство. Каждый год он ждал, когда у нас начнутся каникулы, – мы же бесплатная рабочая сила!

Когда мне было лет семь-восемь, мы все вместе приехали 31 мая к деду. Он раздавал всем различные поручения – кто чем будет заниматься. У него было большое хозяйство: бараны, овцы, козы, лошади (их было даже две), коровы и быки.

Земли было тогда сорок соток. На ней дед выращивал смородину, огурцы. Улица, на которой он жил, располагалась близ реки и называлась Заречная. И все, кто обитал на этой улице, занимались выращиванием парниковых огурцов.

Дед выращивал и получал урожай раньше прочих. Он придумал свой собственный способ для достижения такого результата.

В полях земля прогревалась быстрее. Дед сам делал отличные ножи, выходил в поле и вырезал ими квадратные куски земли с дёрном. Затем тащил их к себе, переворачивал и сажал в прогретую землю семена огурцов. А после натягивал

на эту конструкцию плёнку.

В то время парники были только в ЦК, в Москве. Таких крупных комплексов, как сейчас, прежде не было.

Дед же покупал плёнку, сооружал собственное подобие теплицы и раньше всех выращивал огурцы. Первый урожай всегда был самый дорогой. И, как правило, всё самое раннее было предназначено для праздничного стола – к Пасхе.

Но огурцы нужно было ещё довести до Липецка. Тогда в частном пользовании не было грузовиков. Поэтому те ребята, блатные, у которых был такой транспорт, ранним утром, в три часа, собирали всех, кому нужно было попасть в город, и везли на рынок. Заработок таких людей составлял рубль с загруженного мешка.

Дед же и здесь придумал свой способ решения проблемы. В качестве мешка он использовал чехол из-под матраса, в котором умещалось три обычных.

Каково же было удивление людей при виде такого объёма, но дед стоял на своём: рубль – и всё тут. Все посмеялись над этой ситуацией и давить не стали. Разумеется, это было не совсем правильно, но дед был очень шустрый.

На рынке необходимо было занять самое ходовое место. И дед снова делал это раньше прочих. Он просил мать в Липецке, чтобы к тому моменту, когда приезжала машина на рынок, у нас было лучшее место.

Рынок открывался рано – в пять утра уже спешили покупатели, которым нужно было управиться с покупками до ра-

боты. Место к этому часу у нас было, а в восемь утра весь товар распродавали. И мы уезжали домой.

На рынке дед продавал и смородину. Её нужно было собирать, и много – две корзины за день. Труд этот очень тяжёлый. Я отвечал за это: брал маленький стульчик, садился под смородиновые кусты и передвигался, собирая ягоды. Собрать нужно было за день, и если успевал – дед брал с собой в город. А живя в деревне, попасть в город всегда было охота.

Нас по обыкновению провожала бабушка. Мы вешали корзинку на руль велосипеда, доезжали до грейдера, а после ловили попутку. И на этой попутке ехали до Воронежа.

Я был мал тогда. И мне казалось, что незачем ехать так далеко – порядка шестидесяти километров. Ведь есть и Липецк. Дед же объяснил, что в Воронеже население составляет миллион человек, в то время как в Липецке всего триста – триста пятьдесят тысяч.

И вот как-то мы с дедом начали обсуждать этот вопрос. Мы приехали в Воронеж, вышли на остановке. Дед велел стоять и стеречь наши корзины, а сам пошёл на рынок – разузнать цены на смородину. Вернувшись, сказал, что продавать прямо здесь будем. Дед достал весы, пакеты и стал торговать ягодами на развес прямо на месте. Я был очень удивлён, почему мы не пошли на рынок. Дед объяснил, что людей, продающих смородину, там очень много, а здесь мы одни.

И правда, мы всё распродали часа за два-три. На рынке

стаканчик ягод стоил десять рублей, мы же отдавали по пятнадцать. Людям нравилась наша смородина – красивая, аккуратно упакованная в пакеты. Дело наше мы завершили.

После дед шёл в магазин и брал себе «чекушечку» водки. Домой мы добирались на автобусе.

Я научился у дедушки очень многому, всегда был рядом с ним. Он любил меня за трудолюбие, усидчивость, старательность.

Я смотрел за поросятами и убирал у них, собирал смородину. Помогал с поливом огурцов. Вода для них должна быть тёплой. Поэтому дед велел набирать воду из колодца и заливать её в кадушки на ночь. За это время она прогревалась, а утром поливали уже тёплой водой огурцы. Затем снова наполняли кадушки и поливали вечером повторно.

Дед приучал к очень многому. В десять вечера всех нас по обыкновению он отправлял спать. Светом в то время дорожили, как и многими продуктами.

Дед часто брал меня с собой. В соседнем селе Круглое мы покупали баранину. Там паслись большие стада. Дед мог поймать барана за шею голыми руками. Он с лёгкостью определял, сколько в туше жира, мяса. Покупку нашу мы везли домой живьём. Там дед уже сам резал и потрошил барана. Все внутренности, копыта, голову он оставлял себе. Мясо дед вёз на рынок и продавал, получая прибыль в десять процентов от цены за живого барана. Сами мы ели, что оставалось: желудок, печень, почки. В дело шло всё. Из шкуры ба-

рана делали шапки и воротники. Дед был очень предприимчивым. Знаниями своими он охотно делился со мной, обучал.

Однажды мой отец собрался за границу. Он был каменщиком, и очень хорошим. В 1962 году его в числе десяти лучших мастеров Советского Союза пригласили в Финляндию для постройки многометровых труб теплосети. И всех их направляли на этот объект.

Дед съездил туда, а после и заявил, что намерен отправиться туда же. Дед ходил по квартире, напряжённо думая.

– Ну и куда ты поедешь? Сейчас она уйдёт. И что дальше? – наконец спросил он, кивнув в сторону матери.

В 1962 году в ходу были талоны на продукты. Мать оставляла нас, шестерых, дома, а сама уходила в магазин отовариваться. Зачастую её не было по полдня. Мы росли все вместе: сестра пятьдесят первого года рождения, пятьдесят третьего, пятьдесят пятого, пятьдесят седьмого, пятьдесят девятого, я шестьдесят первого года. Брата тогда ещё не было. Старшая сестра пятьдесят первого года умерла в возрасте двух лет.

– Так куда ты пойдёшь? – настойчиво повторил дед.

– Ну, не знаю... А что делать-то? – удивился отец.

– Ладно... – вздохнул дед. – Деньги есть у тебя?

– Да.

– Сколько?

– Семьсот рублей.

– Давай сюда их, – сказал дед.

Отец отдал эти деньги, и дед исчез с ними на две недели.

Когда он вернулся, принёс бутылку самогона, мясо, потроха. Матери велел жарить принесённые продукты. Мать звали Аня, и дед ласково называл её по-деревенски Нюрой.

Мы же все спустились вниз.

Дед пригнал разгружать машину: мешок гречки, сахара, риса, мешок муки, топлёное масло и подсолнечное, соль, пшено. У нас была трёхкомнатная «хрущёвка», а в ней – небольшая кладовка. И в эту кладовку всё загрузили.

После этого дед сказал, что теперь отец может ехать свободно за границу. Сели за стол, выпили. Дед достал семьсот рублей и положил их перед отцом, который буквально изумился. Он спросил, откуда же взялись эти деньги. И дед рассказал, что придумал тому для помощи.

На те семьсот рублей, что взял у отца, дедушка купил машину зерна, поехал к мельнику, и вместе они за ночь всё перемололи. Вышло у них две машины муки – одну из них дед поменял на продукты, а другую продал за семьсот рублей.

Отец попрощался со всеми и уехал за границу. С дедом они очень часто звонили друг другу. Тот спрашивал обо всём: как дела обстоят у отца, сколько получает за работу. Платили исправно – тысяча пятьсот финских марок.

Пришло время отцу возвращаться. Дед велел деньги не везти с собой, но купить на них вещи: пятьдесят платочков носовых, сто штук бюстгальтеров женских, сто пар колгот,

плавки, бельё. Жене – матери моей – велел купить шубу и подарки детям. Деньги же строго запретил везти.

Через границу шли все вместе: отец и остальные каменщики. Мужики смеялись над ними, называя «барахольщиками». А сами шли с барсетками, в которых несли заработанные пятнадцать тысяч марок. По тем временам хорошие деньги были.

Дед встретил отца после переправы через границу. Вместе они поехали в Москву к «барахольщикам», которым все вещи и сдали. На вырученные деньги купили колбасу, сыр, выпить и сели в поезд, в купе. В то время часто по ночам обворовывали спящих пассажиров. Хорошо зная это, дед закрыл дверь изнутри на цепь. Ночью их никто не тревожил.

Утром сели отец с дедом поговорить. За тот товар, что отец купил за границей на пятнадцать тысяч марок, дед вернул ему деньги в соотношении один к трём – с той разницей, что отец работал десять месяцев, а дед управился за неделю.

Таким был мой дед – предприимчивый, бойкий, хваткий, сильный, деятельный. Таким я его всегда и помнил.

Много десятков лет позже, в 2020-х годах, уже после своего собственного развода, когда уже купил Роллс-ройс, приехал я на кладбище. Навстречу мне выскочил сторож. Несмотря на свой девяностолетний возраст, двигался тот очень шустро. Старик спросил, не внук ли я Антипыча – уж очень внешне похож.

Я действительно очень во многом напоминаю деда. Характер, деловая хватка, стойкость, внешние черты. Все меня с ним сравнивали всегда.

От матери я узнал историю нашего рода – кто мы и откуда. Рассказала она мне и о дедушке.

Жизнь деда лёгкой не была. Он остался без матери в двенадцать лет – она умерла от тифа. Дед, две сестры – так их стало трое.

Начиная с двенадцати лет, дедушка пошёл работать. В семнадцать лет он уже встал на ноги.

Бабушка моя была из богатой семьи – в своё время у них была собственная мельница. Мария Филипповна стала женой моего деда.

Глава 2. Семья

Я много думаю, размышляю о своей жизни в свете последних событий. Много вспоминается.

Моя жизнь разделилась на три части: до женитьбы, затем время семейной жизни – тридцать пять лет прожили с женой... и сейчас.

Я начал работать рано, хорошо помню своё детство и себя маленьким. Родился я в верующей семье. В возрасте тридцати двух лет у моей матери уже было шестеро детей. Младший брат родился, когда матери исполнилось тридцать восемь лет. Она была очень верующим, религиозным человеком – аборты не признавала.

Воспитание соответствовало: нам прививали любовь к трудолюбию, учили усердию и старательности. Нравственные и моральные ориентиры, семейные ценности были в духе Священного Писания – жить справедливо, работать, не обманывать, уважать родителей. Неважно, будешь ты мусульманином, католиком, христианином – человеческая составляющая у всех одна.

Я хорошо помню, как папа работал на двух работах. Сначала на предприятии – с восьми до пяти, а после он шёл на шабашку. Отец был каменщиком-огнеупорщиком и работал в частных домах. Так больше платили, нежели на предприя-

тиях. Мы не жили богато, но и бедности с голодом не знали. Дедушка – отец мамы – тоже нам помогал: привозил продукты. Он был очень хозяйственным, многое я перенял у него.

Днём я учился в школе, а вечера посвящал спорту. Во дворе у нас была хоккейная площадка. Её мы, дети, сооружали сами. Выходить на неё старались как можно раньше, чтобы лёд не успевал растаять. И катались весь день напролёт.

Семья наша была большая, и все мы разные – характеры, привычки, таланты. Однажды я спросил маму, в кого я такой. Она ответила, что я в неё пошёл, а она – в отца своего. Остальные шестеро – в отца моего. Всего нас было четыре сестры и три брата. Старшая сестра умерла, когда была ещё малышкой. В две тысячи восемнадцатом году не стало брата. (Прыжок с моста в обмельчавшую от летней жары реку закончился переломом шеи.) Он был старше меня на четыре года.

Сейчас у меня остался младший брат – ему пятьдесят восемь лет, – и три сестры. Среди всех нас я один всегда был добытчик.

Когда мне было два года, брату шесть исполнилось, остальные уже в школу ходили. Наши родственники были очень верующими людьми. Три мои тётки подверглись гонениям и аресту за веру – это произошло в период существования НКВД. Срок лишения свободы составил двадцать пять лет.

Однажды две наши тётки приехали к матери. Они предложили ей съездить к некоему старцу. Люди верили в его прозорливость. Мама очень любила нас и хотела узнать, что ждёт её детей в будущем. Они с тётками условились на субботу. Путь неблизкий ждал: шестьдесят километров нужно было проехать и ещё около трёх пройти пешком.

Поутру, когда за мамой заехали, шёл мелкий дождь. Она решила отказаться от поездки, сославшись на домашние дела. И едва ли дряхлый старик хоть что-то может знать о её детях и их будущем. Кое-как тётки всё же смогли уговорить маму. Все вместе они отправились на автобусе.

Добравшись на автобусе, дальше отправились пешком. Морось так и шла, пока мать, причитая без умолку, тащила меня на руках, а шестилетний брат волочился следом. Я был крупным и тяжёлым ребёнком, несмотря на свои два года. Мать в шутку звала меня Хрущёв.

К старцу прибыло много людей, образовав огромную очередь. Мои тётки решили договориться – пройти вперёд всей толпы. После ареста за веру и срока длиною в двадцать пять долгих лет они имели репутацию и авторитет в соответствующих кругах.

Трижды они обращались к старцу, прежде чем тот согласился принять маму вне очереди. Как только она перешагнула порог, старец в точности повторил её слова о нём. Рухнув на колени, мама разрыдалась. Когда старец попросил накормить маму – которая только и успела, что отварить картош-

ку, – та вовсе обомлела.

Старец усадил мать напротив, и они долго беседовали. Я расположился у неё на руках, а старший брат возился с табуретом на полу подле матери. Старец спросил, как зовут моего брата, и, приглядевшись к нему – зрение старика уже давно потеряло свою остроту, – сказал:

– Из хама не сделаешь хана. А этот, что у тебя на коленях, – старик ткнул пальцем в мою сторону, – кормилец твой.

Слова старца оказались правдивы. Старший брат был человеком сложным – проблемы он находил всюду. Тюрьма в их число тоже входила. Материнское сердце страдало и мучилось от тревог и переживаний, ровно как и отец не знал покоя.

Умирая, мать оставила свой наказ – мне заботиться, оберегать семью. Её волю я исполняю: помогаю сёстрам, их детям.

Глава 3. Как дед зарабатывал на семечках

Дед учил многому маму: как зарабатывать, как с умом тратить деньги, рассчитывать расходы наперёд.

Когда-то город Липецк собирались строить не там, где он сейчас стоит, а в стороне сел Капитанщино и Кореновщино: подальше от НЛМК, с учетом розы ветров, так, чтобы выбросы от завода не накрывали город. Но, как водится, вышло по-другому. Однажды мой отец принял решение переехать в Липецк работать на завод. Это было время бараков для рабочих, а не квартир: строить жильё всерьёз ещё не начали, и людям выдавали, по сути, койко-места в длинных деревянных корпусах.

Однажды вечером, в пятницу, к отцу и матери приехал дед, чтобы провести семью. Меня тогда ещё не было. За ужином дедушка спросил отца:

– Ну что, чем завтра займёшься?

– На работу поеду, – отвечал тот. – За кирпичную кладку дают двенадцать с половиной рублей за смену.

– Это ж суббота, выходной!

– Так и платят наличными, – отец усмехнулся. – Два «куба» положу, хотя норма – полтора.

Дед помолчал, а потом вдруг попросил:

– Слушай, дай мне пятьдесят рублей взаймы.

Отец согласился. Утром разошлись: дед ушел куда-то в город, а отец – на работу. В четыре часа он уже был дома - и вдруг увидел: на столе развернулся целый пир! Всё заполнено тарелками, есть и закуски, и алкоголь, а сверху аккуратно лежат те самые пятьдесят рублей.

– Как же так? – удивился отец.

– А я тебе долг вернул, – говорит дед. – И сверху за половину дня успел заработать еще пятьдесят рублей.

Тут дед и рассказал, с помощью каких хитростей сумел разжиться деньгами:

– Ходил я, значит, и думаю: чем бы заняться, где бы заработать... Смотрю, висит афиша – сегодня футбольный матч. Смекнув выгоду, я отправился на рынок и купил мешок семечек. Приехал к стадиону и стал продавать в гранёных стаканчиках – ровно по 170 грамм. Вот этими стаканами и торговал.

Так я понял, что деловая жилка у нас в семье идёт по наследству – от деда, который не растерялся даже среди футбольных фанатов. После войны, рассказывал он, всё было в разрухе, но он всё равно находил выход: то ткани возил, то что-то шил, то перепродавал. Говорил: «Главное – не лениться и включать голову. Остальное приложится».

Мудрость в этом, конечно, простая, но настоящая. Тогда

не было инвестиций, маркетинга и бизнес-планов, зато были руки, смекалка и вера, что день прожит не зря, если к вечеру у тебя на столе есть хлеб и заработанные трудом деньги.

Дед действительно был человеком редкого склада – трудолюбивым, находчивым, будто рождённым для того, чтобы справляться с испытаниями. Судьба рано набросила на него тяжёлую ношу: в двенадцать лет он остался старшим из троих выживших детей после того, как от тифа умерли родители и трое братьев.

Мама рассказывала, что в семнадцать лет дед уже прочно стоял на ногах и хозяйство держал крепко. Сразу после смерти родителей, совсем мальчишкой, он стал разбираться, что осталось после них, и шаг за шагом, год за годом наладил жизнь. К семнадцати годам дед был самостоятельным и крепким парнем. В их деревне стояла мельница, и мельник, понимая, какой перед ним работающий юноша, отдал за него свою дочь Машу. «С таким парнем не пропадёшь», – сказал он. Так и случилось: бабушка Маша прожила с ним всю жизнь – ровно и верно.

Дед не знал покоя. Он и квас заваривал, и готовил, и чинил, и строил – руки его, казалось, никогда не отдыхали. Мама часто говорила:

– Не поймёшь, когда и сколько он отдыхал – три часа, четыре... Мы, бывало, уже глубоко спали на печке, а он где-то возился, стучал, строгал, что-то мастерил.

Видимо, от него мне и досталась эта внутренняя неугомонность и страсть к труду. Я как-то спросил у мамы:

– Мама, в кого я такой горячий? Почему не могу сидеть спокойно?

Она улыбнулась и сказала:

– В отца моего ты, в твоего деда. Такой же был – огонь в глазах и руки, что не знают отдыха.

Эти слова я запомнил навсегда.

Был друг у дедушки – звали его Сергей Иванович. По обыкновению дед брался за всякий труд и привёз как-то кожу с Рязани – сапоги сшить. И друг ведь сапожником был.

– Бери в работу!

– Да не вопрос, Антипыч! – широко улыбаясь, бодро ответил Сергей Иванович.

Через какое-то время сапоги были готовы. Жена сапожника принесла их, дед померил.

– Угу, – буркнул тот. – Слушай, пускай Серёга зайдёт.

– Зачем? – насторожилась бабка.

– Да так, – проговорил дедушка, – сапоги обмоем-то!

Не отказался от предложения Иванович и пришёл.

– А-а-а! – завопил тот, когда изделием кожаным дед стал лупить прямо по горбу сапожника нерадивого. – Ты чего, Антипыч?!

– Я чего?! Ты, какого лешего, мне их на одну ногу пошил? – потрясая сапогами над головой, закричал дед. – Они же

оба левые!

Долго ещё смеялись с этого случая и не единожды. И сейчас с улыбкой вспоминаю.

Шустрил дед всегда и во всём. Помню, как за хворостом он ходил. Когда все в пять утра вставали и выдвигались в путь, дед уже во вторую ходку с ними шёл. Коня Булата он нагружал так, что на подъёмах помогал сам – же не тянул скакун такой вес. С первой ходкой дедушка управлялся ещё в три часа.

Глава 4. Заработки на спирте и гены предпринимчивости

Когда я окончил девятый класс, все поехали в строительные отряды, а я отправился с отцом подсобником на стройку. У него всегда было два подсобника: один подавал раствор, другой – кирпич прямо на стену. Работали мы от зари до темноты, и отец за день укладывал шесть кубических метров кирпича.

Шесть «кубов»! Для сравнения: в Финляндии, рассказывал он, где они как-то трудились, норма была полтора «куба» в день. А у нас – шесть! Да как же иначе, если работа началась в шесть утра и длилась до одиннадцати вечера.

Платили по «кубам»: двадцать пять рублей за каждый, и подсобникам – столько же. Так что зарабатывали мы хорошо. Тяжело, но с гордостью. С тех пор я привык к труду и понял цену выносливости. От отца научился стоять твёрдо и не ныть.

Помню, у его товарища было четверо сыновей, и вся семья работала вместе, впятером. Старший сын, Толик, прозванный «Тарзаном», был редкий силач и после целого дня тяжёлой кладки ещё находил силы заниматься спортом. Для меня это было откровением: оказывается, физическая сила

может быть не только инструментом, но и гордостью.

– Михаил, занимайся спортом, – говорил он. – Здоровое тело – здоровый дух.

Я послушал и тоже начал тренироваться.

Однажды нас отправили на работу в село Плавицы. Каждый вечер главный инженер приносил рабочим по бутылке спирта. И мне, шестнадцатилетнему, выдали наравне со взрослыми.

Я, конечно, не пил – тихо откладывал всё в сторону. Рабочие смеялись:

– Гляди, трезвенник растёт!

А я лишь улыбался и вёз потом этот спирт домой. Спирт был крепкий, девяносто шесть градусов. Я придумал разбавлять его дистиллированной водой – ровно пополам, чтобы получилось две бутылки, – а затем продавать. Получалось очень выгодно. Водка тогда стоила 3 рубля 60 копеек и, как всё дефицитное, ценилась почти как золото. Мы продавали её по той же цене – и таким нехитрым образом я понемногу подрабатывал.

Однажды я спросил отца:

– Папа, а почему нам выдается столько спирта?

Он только руками развёл:

– Не знаю. Этим, говорят, главный инженер заведует.

Я выяснил, в чём дело. Из тонны пшеницы обычно выходило сто – двести литров спирта, а на нашем заводе ухитрялись делать двести пятьдесят. Лишние пятьдесят литров

«уходили» налево – как говорится, на нужды коллектива. Я прикинул: если спирт можно разводить, зачем брать зарплату деньгами, когда можно брать сам спирт? Я стал объяснять всем вокруг:

– Вы что, зачем деньгами берёте? Возьмите спиртом – выгоднее же! Мы его разбавим и получим вдвое больше.

Мужики задумались. Передали идею через отца бригадиру, а тот – главному инженеру. И, о чудо, тот согласился. С тех пор мы получали не рубли, а фляги спирта. Фляги были специальные, пищевые. На всякий случай на спирт оформлялись документы, будто его купили официально.

Помню, мама наливала его прямо в чугунную ванну. Вымывала её до блеска, потом выливала туда спирт, разбавляла пополам водой и перемешивала. Потом брала лейку – и разливала по бутылкам. Пробки делали из газет. А дальше – кому свадьба, кому похороны, кому просто пятница. Товар шёл по десять рублей за бутылку, а то и больше.

«Куб» кирпичной кладки тогда оценивался в двадцать пять рублей, но так как мы получали зарплату спиртом и потом выгодно продавали его, то выходило, что за ту же работу мы зарабатывали в два раза больше. За отличную идею мне тогда даже дали сто пятьдесят рублей сверху, и я купил себе джинсы «Карера» – гордость улицы.

Так я понял, как устроена жизнь: если есть голова и немного смекалки – всё можно обернуть себе на пользу.

Я уже упоминал парня Николая, прозванного Тарзаном. Так вот, когда он был в ударе – в буквальном смысле, – лучше рядом не стоять. Как-то сидели мужики за столом, выпивали, а подсобники – молодые ребята – не пили, стояли в стороне и подшучивали. Вдруг заходят какие-то местные и начинают качать права.

Я до того дня не видел, чтобы человека можно было ударом отправить в нокаут и при этом отбросить на много метров. Коля тогда троих разметал так, будто они были из бумаги. Одному зарядил боковым ударом – тот вместе с дверью вылетел вон.

Он потом объяснял:

– Чтобы удар был сильный, надо жим лёжа делать.

Коля брал ось от трактора вместо штанги. Учил, как держать кулак, как не сбивать дыхание. Он служил в ВДВ, а там двух лет службы хватало, чтобы стать ходячим учебником по рукопашному бою.

Так я и постигал хитрости жизни и заработка. Может, всё это – гены. Порода у нас в роду крепкая. Прадед, рассказывали, был человек находчивый. В семнадцатом, когда пришли раскулачивать, прятал зерно в нише под кирпичами. Сделал в подвале потайной отсек – вставил три кирпича, а за ними пустота, и там запасал хлеб. Люди с вилами приходили, сено протыкали, а он только посмеивался: «Ищите, ищите...»

Так и жили. И хлеб у них был, и сила, и смекалка. Когда

начался голод, собирали лебеду, мололи её, пекли лепёшки – выживали.

Мое детство проходило во дворе на улице Гагарина. Как водится, все соседи хорошо знали друг друга, и с одним из них связано моя новая история.

Однажды отец одного из ребят пришёл к моему папе и сказал:

– Нужны каменщики, чтобы быстро поставить здание.

Отец пожал плечами и ответил:

– Давайте сделаем. Для хороших мастеров это несложный вопрос.

Работа оказалась серьезной: раньше не было специальных клиновидных кирпичей, и, чтобы сделать свод, каждую деталь приходилось подгонять киркой и обтачивать вручную. Пыль от подобных операций откладывалась в лёгких; у многих появлялся силикоз, рак лёгких, – плата за вредный, хоть и высоко ценимый труд. Мой отец дожил до семидесяти пяти лет, но именно эта болезнь оборвала его жизнь.

Мы сделали работу на совесть, завершив ее в пятницу, и в понедельник с оптимизмом шли в колхозную бухгалтерию за расчётом. Но вскоре выяснилось, что тот самый бригадир, который приглашал отца на работу, уже получил расчёт: и за себя, и за нас. Получил – и уехал. Оказалось, парень ушел от жены, запил, потом нашел себе новую женщину и решил забрать все наши деньги – в общем, сорвался с катушек.

Мы подали в суд и выиграли дело. Впрочем, горький опять остался. Бывало, к сожалению, всякое...

Однажды летом случилась другая история, уже с положительным для нас исходом. Поехали мы как-то в село Красное, чтобы ремонтировать свинарники. Там стояли печи – целых восемь штук! Заказ был хорошим: платили по шестьсот рублей за печь! Отец осмотрел и сказал:

– На деле чинить нужно только две. Остальные – в порядке.

Так и вышло: две печи мы разобрали и восстановили капитально, в остальных же достаточно было аккуратно заменить только часть кирпичей. За минимальные усилия мы получили достойную оплату. Смекалка – это не кража чужого, а умение работать головой: не тратить лишнего и выжимать максимум из задания.

Такая практика была повсюду. Но Новолипецком комбинате, например, люди умудрялись зарабатывать на всем: от перчаток и напильников до подшипников. Помню, как знакомый Сергей рассказывал:

– Есть большой подшипник, с рост человека. Он стоит не меньше тридцати тысяч долларов. Подшипник в отличном состоянии, но по регламенту должен был быть заменён. Вот мы и придумали схему: по бумагам подшипник заменили, а по факту – остался тот же самый.

Есть хитрая тонкость, которая позволяет заработать, и в

профессии каменщика – расход раствора и толщина шва. На бумаге, к примеру, должны положить раствор в половину сантиметра, а на деле слой кладется значительно толще. Раствор дешев, кирпич дороже. А разница превращается в излишки кирпича, и благодаря строительству большого дома можно дополнительно возвести ещё один маленький частный.

Я не защищаю махинации. Я говорю о том, как жили и выживали люди вокруг меня: кто-то честно, кто-то с хитростью, кто-то совмещал и то и другое. Смекалка у людей была отменная – и это не только про уловки, а про умение найти выход, когда другие пути закрыты.

Глава 5. Уход деда и конь Булат

Дед стал для меня примером и образцом силы, мужественности, стойкости, выносливости.

Труд он любил и уважал, не чурался трудных задач и имел удивительную способность делать неочевидное простым и ясным. Была в характере деда и дерзость, и резкость. Однако это не перерастало в грубость и хамство – честь и достоинство не позволяли произойти подобному никогда.

Моя семья закалялась, подобно стали, не одно поколение: раскулачивание, гонения и аресты за веру, Великая Отечественная война, плен, побег и путь длиною в пятьсот километров...

Дед был добытчик, но не лишён азарта. Частенько он иг-

рал в карты. И каждый раз возвращался домой, имея в два раза больше того, с чем уходил.

Дедушка был любящим и заботливым мужем – во всём помогал бабушке. Спал он мало, предпочитая отдавать время труду: выполнял различную работу по дому, во дворе (поголовье скота было большое, и дел всегда было в избытке).

Бабушка ни в чём нужды не знала. Всегда были деньги. Их никто не прятал – обитали они в кувшине на видном месте.

Никогда не забывал дед своих однополчан, с которыми прошёл войну. Мы часто заезжали к ним, когда заканчивали наши дела в городе. Давние товарищи всегда радостно и тепло встречали друг друга.

Я очень любил деда. И он любил меня не меньше. Любил за трудолюбие, старательность, усердие. Все мои навыки, знания, опыт, понимание жизни – всё это дал дед.

Я помню, как он умирал. Говорят, люди порой чувствуют приближение собственной смерти, чьё ледяное дыхание ужасает сердца даже самых храбрых и смелых.

Но дед не страшился ни смерти, ни того, что она с собой несёт, ни того, что безвозвратно отнимет.

У дедушки был конь – Булат его звали. Помню, как подвёл к самому крыльцу коня дед, запрыгнул на спину и промчал резвой рысью кругом села. После отвёл коня в стойло, вернулся в дом и лёг... Вечером позвали попа – они говорили с дедом, задёрнув занавеску. Помню, как плакала мать.

Вечером дедушка умер.

В плену его здоровье сильно пострадало – рак желудка стал платой за жизнь и свободу.

Нрав у деда был суровый, несмотря на всю его доброту и заботу. Своего сына Виктора дедушка выгнал, когда тому было пятнадцать. Ленъ и разгильдяйство юнца стали причиной. В Липецкое училище отправил дед сына. Матери же моей жалко было брата своего, и жил он с нами восьмым ребёнком.

Виктор выучился на тракториста. Справедливости ради, специалистом он стал отменным. Служил во флоте. После возвращения женился. Он и сейчас жив – уже под восемьдесят лет.

Мы не общаемся близко, но они моя родня. Поэтому дочерям и внукам Виктора я тоже помогал. Наказ матери исполняю честно.

Дед всех нас воспитал – маму и меня. Учил всему, что знал и умел сам. Держать под контролем вопрос прихода и расхода – неизменный постулат.

Глава 6. Шалости детства

Брат был на четыре года старше меня, и, когда мне было девять, ему - уже тринадцать. Однажды ребята из его компании повздорили с кем-то из пожарных, а незадолго до этого – и с кем-то из учителей. Недолго думая, в отместку подростки решили привлечь к себе внимание и устроить небольшое дымовое шоу.

Мы нашли решётку вентиляции у областной администрации; если её вынуть и спуститься по металлической лестнице, то попадешь в бомбоубежище – там были противогазы, надувные лодки и прочая утварь на случай чрезвычайных ситуаций. Ребята вытолкнули дверь, набрали противогазов и дымовых шашек, выложили их перед школой – и подожгли.

– Смотрите, пожарные едут! – кричали мы из укрытий и радостно смеялись.

Забава продолжалась до тех пор, пока не началась облава. Я решил убежать от милиции, прыгая по крышам гаражей, но не смог перескочить через щель шириной метра в три. В итоге меня поймали и даже немного побили, после чего я – по сути, еще маленький ребенок – рассказал обо всех своих подельниках. С тех пор нас поставили на учёт в детской комнате милиции.

Также вспоминается история с велосипедом. Недалеко от нас располагался дом, где проживали иностранцы, приезжавшие для работы на Новолипецком комбинате. Дети иностранцев любили кататься на велосипедах – новеньких, блестящих, приковывающих мой детский взгляд. Однажды я не выдержал и отнял один такой велосипед у мальчика, слегка побив его и уехав восвояси. Вскоре мною овладела тревога: так как ребенок был иностранцем, происшествием заинтересовалась милиция, с которой иметь дело было недопустимо – я ведь уже стоял на учете! Испугавшись, я додумался до странного, но оригинального решения: разобрал велосипед на части и разбросал детали по всему городу, а сам уехал к бабушке в деревню. Не самый лучший поступок, но история очень показательная.

Родители в те годы с нами не церемонились. Часто, если я провинился, мама громко кричала из окна:

– Миша, обедать пора!

Обычно обедать не звали: когда вернешься, тогда и поешь, но если уж такое случалось, то следовало ждать взбучки. Мама наказывала сурово, но справедливо. Дома у нас постоянно подтекали краны, так как прокладки изнашивались и были дефицитом, и, чтобы вода не шумела, мы надевали на кран шланг, после чего струя тихо стекала в раковину. Так вот, если я заслуживал наказание, мама снимала шланг и лупила меня прямо им.

Помню также подзатыльник, который некогда получил от матери, когда попробовал курить вместе со старшим братом. С дивана я тогда скатился кубарем и на всю жизнь забыл о курении.

В деревне во время уборки мы тайком таскали зерно – не для шаловства, а чтобы помочь дедушке и бабушке кормить скотину. Дед закрывал на это глаза. Помню, как он рассказывал про раскулачивание, когда приходили и забирали всё, что находили, даже сараи обыскивали. Прадед же прятал зерно в тайно выкопанной нише подвала, прикрытой камнями. У каждого времени – свои особые истории...

Теперь я понимаю, что мы строим свою жизнь из случайных кирпичиков: детские шалости, истории от взрослых или строгие уроки матери – всё это оказывается опорой в дальнейшем. И чем лучше мы помним эти уроки, тем увереннее идём во взрослой жизни, где ставится на кон не только капитал, но и честь.

ЧАСТЬ 2. НАЧАЛО ВЗРОСЛОГО ПУТИ

Глава 7. Тренировка длиною в жизнь

В тринадцать лет я увлёкся спортом. Душа горела штангами и гантелями, но где их взять? Вечерами мы с ребятами гуляли по району, и однажды мне улыбнулась удача: за овощным магазином, рядом с огромными весами, я обнаружил гирию на двадцать килограмм – квадратную и тяжёлую, словно для богатыря. Притащил домой, отмыл и начал упражняться, придумывая упражнения на все группы мышц. В те времена мы сами были и тренерами, и атлетами в одном лице. Учились на собственном энтузиазме.

Когда пошли первые заработки, я построил себе режим питания. Мой завтрак состоял из обезжиренного творога, сметаны и яиц (до пяти штук). На обед - кусок мяса с овощами, а на ужин - непременно рыба и крупы. Такой порядок помог держать вес и силы. С гантелями и гириями мы занимались втроем: я, Серёга Назаров и Вовка Болдырев.

Комсомольский парк вскоре стал тесным, и для бега нашлось новое место – военный городок. Было заведено, чтобы его забор был высокий, а верхушки смазаны солидолом, чтобы не пролезали посторонние. Но упорных мальчишек препятствия лишь раззадоривали: мы находили лазейки и попа-

дали внутрь, каждое утро тренируясь там бок о бок с солдатами. Те не выгоняли нас – напротив, относились по-доброму, словно мы стали частью их утреннего ритуала.

Подтягиваться я сначала не умел, но один тренер подсказал проверенный метод: подпрыгивать до касания подбородком перекладины, а потом медленно опускаться под собственным весом, держа напряжение в руках. По той же системе впоследствии я учился подтягиваться на одной руке. Мальчишки, мы соревновались между собой, измеряя окружность рук в районе бицепса. Сначала – 29 сантиметров, потом 32, затем 38–39. Когда уходили в армию – уже 43–44 сантиметра! Настоящая, крепкая мужская рука.

Я никогда не курил, а алкоголь даже сейчас употребляю только в составе лечебных средств. Недавно от космонавтов узнал необычный рецепт для укрепления костей и сухожилий. Берёшь десять яиц, тщательно моешь их хозяйственным мылом и складываешь в трёхлитровую банку. Заливаешь полтора литра свежего лимонного сока, отправляешь туда же полтора литра коньяка и помещаешь всё это в холодное место на долгий срок. Затем процеживаешь, добавляешь литр мёда – и готово. Принимать следует по тридцать граммов после обеда и ужина. Я же позволяю себе только на ночь – уж слишком часто за рулём. И, знаете, помогает.

Ещё с детства я понял, что сила – в упрямстве духа. Можно найти гирию за магазином и превратить её в свой олимпийский старт, можно превратить забор с солидом в тре-

нировочный рубеж. Жизнь всегда будет расставлять преграды, но именно настойчивость и интерес к преодолению препятствий делает их не стенами, а ступенями вверх.

Мне было тринадцать лет, когда я впервые открыл книгу об упражнениях по системе Засса. После неё я пересмотрел кучу фильмов: «Спартак», «Гений дзюдо», – и каждый кадр, каждый прыжок, каждый удар оставлял на мне свой отпечаток. А ведь тогда я даже от пола отжаться не мог... Да, смешно вспоминать.

Я записался в секцию бокса и параллельно занялся хоккеем. С улыбкой вспоминаю, как первый тренер по боксу, Альберт Масякин, больно щелкал нам по лбу с такой регулярностью, будто проверял, умеем ли мы держать удар. Приходилось терпеть, ведь терпение, думал я тогда, это тоже сила.

Кроме того, мы начали тренироваться сами, изобретая свои методы. Вместе с товарищами Володей и Серёжей мы вставали в шесть утра и бегали в Комсомольский парк, делали пробежку по пять километров, отжимались на турниках, укрепляли кисти на самодельных накладках из баллонов. Сто отжиманий, сто подтягиваний, десять подходов по десять повторений – от широкого хвата до узкого, на трицепс, на плечи. Каждый день мы создавали свой маленький олимпийский марафон.

Сейчас, спустя пятьдесят лет, я оглядываюсь назад. Мне

тогда было тринадцать, сейчас за шестьдесят, но я всё ещё продолжаю заниматься. Перед написанием этой главы я провел серьёзную тренировку, от которой остался доволен, словно тогда, в детстве. Три раза в неделю играю в хоккей, а между играми – спортзал. В дни хоккея – ещё утренний бассейн для здоровья спины.

Недавно мы созванивались с Серёжей Назаровым и обсуждали спорт и травмы. Когда-то у меня тоже была травма спины, и операция казалась неизбежной. Я позвонил знакомому тренеру Борису, некогда тренировавшему сборную Израиля по греко-римской борьбе. Он посоветовал: «Миша, в Израиль не думай ехать, хороших хирургов очень мало».

В поисках врачей размышлял я и о Китае, но затем вспомнил знакомых Виктора Ефимовича, бывшего главного хирурга Липецкой области, а также своего хорошего товарища хирурга. Они посоветовали мне систему Бубновского. «Выбивай боль болью», – говорил товарищ.

Спина к тому моменту болела так, что я зачастую не мог спать. У меня был свой спортзал, и я стал практиковать там методику Бубновского. Случилось поразительное: каждый день таких тренировок становилось легче. На двенадцатый день боль исчезла!

Авария с компрессионным переломом в трёх местах оставила свои отпечатки до сих пор, но систематические тренировки сделали своё дело. Теперь я продолжаю держать себя в форме, а кроме того, до сих пор делаю базовые упраж-

нения из системы Бубновского. Спортивная привычка стала стилем жизни.

Тело человека – как память: если его не развивать, оно стареет раньше времени. Но если относиться к нему с вниманием и уважением, тренировать терпение, радость от движения и нагрузок, оно становится союзником на долгие годы.

Глава 8. О первых заработках.

Мне было 15 лет, когда я окончил девятый класс. Все ребята дружно стали собираться в стройотряд - это была хорошая возможность заработать.

Наша компания отправилась на стройку - работа нелегкая, но подспорье было отличное для молодых людей и их родителей.

Однако я не желал довольствоваться тем же, что и все: мне было недостаточно одного рубля в день, к тому же я видел, как мой отец зарабатывал на шабашках. А потому я (будучи молодым, горячим и напористым) хотел устроиться на предприятие в Липецке, но только вот не проходил по возрасту.

Обежав весь Липецк, я так нигде и не устроился и тогда пошел на силикатный завод, что находился в 25 километрах от места, где я жил. Взяли меня помощником электрика с зарплатой 60 рублей. И это был уже не 1 рубль в день, а 2-2,5!

Проработав на этом заводе полтора месяца, получил я порядка 90 рублей, а также играл в футбол за заводскую ко-

манду стариков.

В то время начал я жить уже самостоятельно: вставал в полшестого утра на тренировку в парке, после возвращался домой. Затем принимал душ, переодевался и шел 2 километра на остановку и ехал на работу. Так началась моя полноценная взрослая жизнь.

В тот день, когда мне исполнился 16 лет, был я на заводе. Во время перерыва приехал отец на жигулях в компании своего товарища.

- Тебе уже шестнадцать лет, - проговорил мужик, - могу тебя на работу взять, Михаил. Подсобником будешь: кирпич подавать, раствор. И деньги совсем другие...

Я обрадовался очень, ведь не брали меня до этого, и поехал в деревню Коренёвщина работать с братом. Правда, отработал брат недолго. После он сбежал, так что и духу его даже не осталось. Испугался он труда тяжелого, а я же втянулся.

Работали мы с семи часов утра и до одиннадцати часов вечера. Если сейчас мужики за смену кладут 1,5-2 куба в день, то отец по 6 кубов успевал. Ведь было два подсобника у него: подающий кирпич и мужик постарше, что подавал раствор. Работа была нелегкая: все руками делали, поднимали на второй этаж.

Когда же мы отработали, все получили свои деньги честно и без обмана. Мужик, что дал нам этот объем, сел напротив меня и обратился к моему отцу:

- Хороший у тебя сын, - с отеческим теплом смотрел он, ведь я ничем не уступал взрослым мужчинам работал с ними на равных, - но ты, Михаил, так богатым не будешь.

- Почему это? Вон сколько мы получили, - удивился я.

- Слушай, - начал он, чуть подавшись вперед, - Жигули стоят 5 500 рублей. Но ты их не купишь, - взгляд его стал сосредоточен и серьезен, - дефицит всего. А на черном рынке товар стоит 10 000 рублей. Уже в два раза выше цена. Слушай, что я тебе скажу.

Я заерзал от нетерпения, а мужик продолжил:

- Прежде чем хорошо заработать, нужно стать организатором!

- В смысле? - недоумевал я.

- Я дал вам за работу на всех 10 000 рублей. По 1000 каждому, - глаза его сощурились, пытливо вглядываясь в меня, - а я один получил 10 000! И после 10 000 рублей разделил с председателем колхоза. Понятно?

Позже мы приехали в Липецк. За три месяца работы я получил 2 400 рублей. Мои одноклассники за этот же срок заработали в колхозе 75 рублей.

Из той суммы матери я отдал 600 рублей, а 1800 забрал. Перед началом учебного года весь наш класс собрался 27 августа. Толпа гудела разноголосьем: все наперебой друг другу хвалились успехами и заработком. Только я помалкивал, ведь подобные деньги были за гранью возможностей почти для всех моих сверстников.

С тех пор я стал работать и обеспечивать себя сам.

На пути из школы встретился мне Кузнецов Саша. Он был на три года старше меня и уже закончил мореходку. Мать его работала кондитером.

– О! Сань, привет! – я махнул рукой в знак приветствия и широко улыбнулся.

– Привет, Миш, – парень коротко кивнул, дружелюбно улыбаясь в ответ.

– Рассказывай! Как ты? Где? – бодро спросил я.

– Да вот, мореходку окончил. Приехал из Италии, – взъерошив коротко стриженные волосы рукой, ответил он. – Слушай, никому джинсы не нужны?

Дефицит на всё был – в это всеобъемлющее «всё» попадали и джинсы. Цена на них кусалась: самая лучшая пара брюк могла стоить двести пятьдесят рублей, порой цена и до двухсот семидесяти доходила. Различные материалы и оттенки добавляли ещё большей популярности этому и без того ходовому предмету гардероба.

– Italianские. По сто пятьдесят отдам, – беззаботно пожав плечами, продолжил Саша.

На рынке такие можно было найти за сто восемьдесят рублей, если постараться. Однако само по себе предприятие было весьма рискованным – облавы были обычным делом. Штучный товар не привлекал внимание ОБХСС, но масса чего-либо уже грозила реальным сроком, сурово устрашая

клеямом спекулянта.

– Мне в Таллин завтра уезжать, так что-о, – протянул Саша, сунув руки в карманы.

– Я узнаю, – наконец ответил я, покинув водоворот собственных сомнений.

Так я и сделал, посоветовавшись с матерью. Оказалось, что материал, из которого были пошиты джинсы, прибывшие прямоком из солнечной Италии, вовсе не сыскать на рынке. Сами же джинсы пользовались большим спросом у студентов.

К Саше я пошёл только на следующий день вечером – буквально за три часа до поезда.

– Как дела? – спросил я нарочито спокойно.

– Блин! – воскликнул Саша. – Никому не надо. Остаюсь с товаром, а всё же деньги лучше, – недовольно буркнул он.

– Ну, смотри, – начал я. – Джинсы я заберу по сто тридцать, а сам материал заберу по тридцать пять.

– Ты чего? – шарахнувшись назад, вскрикнул Саша. – Одурел?! Это ж себестоимость!

– Как хочешь, – со скучающим видом ответил я.

Развернувшись, я зашагал прочь. Саша, хлопая глазами, удивлённо таращился.

Прямо перед самым поездом пришёл парень ко мне домой.

– Забирай, – вздохнул он, сунув мне в руки весь товар.

Через две недели я благополучно продал всё втридорога

– так из тысячи восьмисот сделал три тысячи шестьсот.

Тогда-то я и понял, что такое спекуляция. Начал джинсы продавать, товары из Прибалтики.

К слову, в Прибалтику попал я случайно. Мне хотелось иметь профессию после окончания школы, да только не силен был я в учёбе. Много было планов: и строительный техникум, и машинист тепловоза. Однако с моей характеристикой двери мне открыты были далеко не везде...

Обивал я разные пороги, но никуда так и не брали. По пути за молоком и хлебом каждый день проходил через кулинарное училище. Решил тогда я поваром пойти. Да и там не всех брали. Место было сытное – все быстро смекнули, живя в бедности. А голодающий повар – дело невиданное. Всяко не с пустыми руками домой возвращается.

Стал набиваться я в повара тогда. Характеристика моя не раз ещё до обморочного состояния доводила директора кулинарного училища № 34 Михаила Фёдоровича, пока однажды случай не сыграл мне на руку, вынудив мужичка всё же взять меня.

Глава 9. Кулинарное училище.

Всё-таки пришлось директору кулинарного училища тогда меня взять.

Было лето, и я по обыкновению шёл за молоком. Между делом заглянул и в училище – в очередной раз напомнить о

себе Михаилу Фёдоровичу.

У дверей кабинета директора стояла его секретарь Светлана. Она училась и подрабатывала, была старше меня где-то на три года. Ей я тоже уже примелькался – так, что моё появление не вызвало никакого удивления.

– Ты чего? – спросил я, глядя на озадаченную девушку.

– Да вот, – Светлана указала на дверь, – кто-то из ребят скважину замочную спичками забил.

– Ясно, – ответил я, осматривая фронт работы. – А инструменты где взять можно?

– Так внизу, – удивлённо моргая, сказала девушка.

Вернувшись с инструментами, я принялся за дело: оторвал наличники, двустворчатую дверь снял с петель, разъединил половинки и прочистил замочную скважину. Затем пошёл в столовую за маслом – правда, кроме растительного, никакого другого не нашёл. Скважину обработал маслом.

Немало удивилась Светлана моей помощи, когда я закончил незапланированный ремонт дверей. В этот момент пришёл Михаил Фёдорович.

– Ну, опять ты здесь, бандит? – директор добродушно усмехнулся.

– Да, пришёл просто проведать вас, – пожимая плечами, ответил я.

Окинув меня взглядом, Светлана шмыгнула в кабинет вслед за директором.

– Михаил Фёдорович, можно? – спросила та.

Не раздумывая, я пошёл за девушкой. Остановился в дверях – одна половина была закрыта, вторая же лишь слегка прикрывала вход в кабинет.

– Михаил Фёдорович, – начала Светлана, – парень не так уж и плох.

– Как? Ты это о чём? – не понял директор.

– Вы представляете?! Кузьмич так не может! – всё ещё удивлённая девушка рассказала о моей небольшой помощи. – Всё разобрал, починил, установил на место после.

– Да? – брови Михаила Фёдоровича в изумлении взметнулись вверх. – Ну, зови его тогда.

– Не нужно, – отозвался я, появившись в дверях. – Вот я уже стою.

Директор широко улыбнулся:

– Слушай, – раскатистый смех сотрясал грудь Михаила Фёдоровича, – документы не приноси. Приходи и учись.

Я молча кивнул в знак согласия.

– Но, – продолжил директор сурово, – если будешь плохо учиться – пинка под зад дам, словно тебя тут и не было.

И я начал учиться. Мне было страшно. Не отличался я старанием в школе никогда – тяжело и в училище было. Поэтому я начал просто зубрить всё, все предметы и дисциплины.

Труды мои увенчались успехом – закончил я кулинарное училище с отличием. По окончании двухлетнего обучения всем выдавали определённый разряд повара. Мне дали пя-

тый разряд. Также ресторан для работы я мог выбрать самостоятельно. Никаких направлений мне не требовалось.

И я выбрал ресторан, что находился на железнодорожном вокзале Липецка. Проходимость была большая – за счёт туристических поездов, маршрут которых включал в себя остановку на этом вокзале. В Липецк по тем временам в день прибывало по десять-пятнадцать поездов. Остановка на перроне составляла пять-десять минут. Люди шли в кулинарные точки, словно косяк на нерест.

Всегда всё свежее на нашей точке было – и курочка, и котлеты.

Бригадир наш не жадничал – в конце рабочего дня давал поварам продукты. И яйца, и огурцы, и помидоры у нас были. Не мешками нам выдавали, но и с пустыми руками никогда не оставались.

Многие были пассажирами турпоездов – молодёжь и все, кого поощряли на работе, ездили по городам России. Посещали они и Львов, и Прибалтику, и Крым, и Севастополь, и Киев. Все эти поездки оплачивали организации.

К одному из таких поездов была прикомандирована наша команда поваров. Трудился я в поездках в таком режиме: пятнадцать дней работаю, пятнадцать дней отдыхаю. В основном работали по весне и лету.

Повар в Липецке получал тогда шестьдесят-восемьдесят рублей, нам же платили двести сорок. Было здорово для тех времён. Ко всему прочему, ещё и продукты оставались – и

сгущёнка, и мясо, всё самое лучшее было. Ведь туристов кормили знатно.

И вот однажды приехали мы в Прибалтику. Первым делом пошли на рынок. Время было свободное – днём, как правило, мы не подавали ничего.

Ждал меня приятный сюрприз на местном рынке – джинсы стоили сто десять рублей.

Разумеется, такую возможность упускать я был не намерен. Закупился товаром и продал в Липецке по двести рублей.

С того момента поварское дело отошло на второй план. Хотя я и продолжал работать, но основные силы бросил на фарцовку.

Некоторое время спустя стал заниматься часами и солнцезащитными очками. Кстати, очки шли лучше прочего – в Прибалтике стоили три рубля, а у нас двенадцать.

Дефицит был на всё. Потому работал я фактически со всеми товарами. В одно время стал возить шарфы бельгийские мохеровые – закупал по тридцать пять, продавал по сто пять рублей. Те, кто были за границей, брали чеки. Тащили всё: сапоги из Австрии, дублёнки из Финляндии. И вот так я «сел» на фарцовку.

Глава 10. Сделка века

В те годы, когда я работал поваром поезда, жизнь щедро подбрасывала приключения, иногда и вовсе не кулинарные. Мы занимались так называемой «фарцовкой» – перепродажей импортных товаров. Ехали, к примеру, в Прибалтику и заранее знали, какие из дефицитных вещей возможно там раздобыть.

В Риге, например, мы покупали японские часы «Orient». В комиссионных магазинах Центрального Черноземья такие часы уходили за двести рублей, а в Риге их можно было купить за пятьдесят–семьдесят. Выгода была настолько ощутима, что отказываться от подобного «бизнеса» было бы неразумно.

В одну из таких поездок я приобрёл себе куртку тёмно-горчичного цвета. Тогда как раз входила в моду одежда на пуху. Какой именно там был пух, никто не знал: кто-то уверял, что страусиный, кто-то пожимал плечами. Я купил эту куртку за двадцать семь рублей.

Позже судьба вновь занесла нас в Прибалтику. Мы приехали из Риги в Вильнюс и отправились на рынок. Именно там я и увидел настоящую находку: финские куртки. Тёмно-синие, с сиреневым верхом, добротные и качественные. Мужчина, продававший их, просил сто пятьдесят рублей за

штуку. Одна из курток тут же запала мне в душу, и я предложил продавцу:

– Давай обменяемся. Смотри, у меня совсем новая куртка, только что куплена. Добавлю сверху!

Я снял свою куртку, оценил её в семьдесят рублей и предложил доплатить восемьдесят рублей. Мужчина согласился: мы обменялись, он взял мою обновку и деньги, я – его финскую красавицу, и, довольные, мы спокойно разошлись.

Вечером отходил наш поезд. Я сидел в купе, любуясь на свою обновку, и тут, сунув руку в карман, неожиданно нащупал деньги. Те самые восемьдесят рублей, что я доплатил продавцу! Оказалось, незадачливый торговец, принимая купюры, машинально сунул их обратно в боковой карман куртки – и я этого даже не заметил.

Так в итоге вышло, что двадцатисемирублёвую куртку я обменял на дорогую финскую, доплатив семьдесят рублей, но получив при этом целых восемьдесят рублей сдачи. Сделка века!

После Вильнюса наш путь лежал в Каунас. В те годы каждая поездка по Прибалтике была чем-то большим, чем просто путешествием: это была охота за вещами, которых в России днем с огнём не сыщешь.

В Каунасе как раз появились модные дублёнки. Народ ухитрялся даже старые тулупы переделывать в подобие дублёнок, а уж настоящие финские стоили таких денег, что у

обычного человека замирало сердце. И вот я вижу ту самую дубленку – чёрная, поблескивающая в свете редких лампочек раннего рынка. Было часов шесть утра, потемки, зима. Только электрические огни цеплялись за снег и создавали ощущение, будто попал в какой-то подпольный базар моды.

Я подошёл и потрогал дублёнку. Настоящая баранина, всё как принято. Конечно, я её взял. Деньги отдал по тем временам «бешеные», но товар того стоил. Я снял с себя прежнюю куртку и аккуратно уложил ее в сумку, накинув на плечи новую вещь, от которой сразу заликовала душа.

Перед этим я купил современные туфли. В те годы было модно носить скошенный каблук, сантиметра два-три. Тёмно-коричневые, на шнурках – элегантные, в меру строгие и при этом молодёжные. Коробку с обувью я нёс под мышкой, словно драгоценность.

Идём мы с товарищем к поезду, настроение – царское. Но, подойдя к вагону, я заметил, что белая обувная коробка почернела. Присмотревшись, я понял, что меня обманули и продали мне изрядно поношенный старый тулуп, выкрашенный под дублёнку! Но возвращать товар, увы, было поздно...

Другой случай произошел в Риге. Там я купил рубашку – модную, с пуговицами и накладными карманами. Думал: «Вот это вещь, стиль!» Но радость оказалась недолгой. Стоило её постирать – ткань начинала облазить, и рубашка превращалась в бледное подобие самой себя. Едва вспотев, я

замечал, что краска сходила с рубашки, и тело оказывалось чёрным, словно ты работал в шахте. Рубашку я сперва продал, но, когда мы выяснили правду о качестве товара, деньги пришлось вернуть.

Таких случаев было немало. Где-то рубашка линяет, а где-то дубленка-тулуп оказывается старше половины деревни. Но это был мир дефицита, и каждый поход на рынок превращался в маленькую лотерею.

С джинсами, к счастью, серьёзных промахов я избежал. Сам я обычно брал джинсы в Москве, у знакомых фарцовщиков, отношения с которыми сложились доверительные: бывало, покупаем двадцать штук, а денег с собою хватает только на семнадцать. Они махнут рукой: «Ладно, потом привезёшь».

Да, это была особая эпоха... Сегодня мир кажется цивилизованнее: магазины полны товаров, выбор безграничен. Но вместе с этим исчезла та особая энергия охоты, азарт поиска и радость неожиданной находки. Тогда за каждой курткой, дублёнкой или рубашкой стояла целая история. И, пожалуй, именно эти истории оказались куда дороже самих вещей.

Когда приходила пора отправляться в командировку на турпоезде, работали мы круглосуточно. Это была самая тяжёлая работа – с пяти утра и до двенадцати ночи ежеднев-

но. Такой график был не только потому, что мы готовили, разумеется. Оборудование, а именно печи, были ужасные – работали на солярке, периодически забивались, разжечь тяжело было. С современным оборудованием не идут в сравнение печи тех лет.

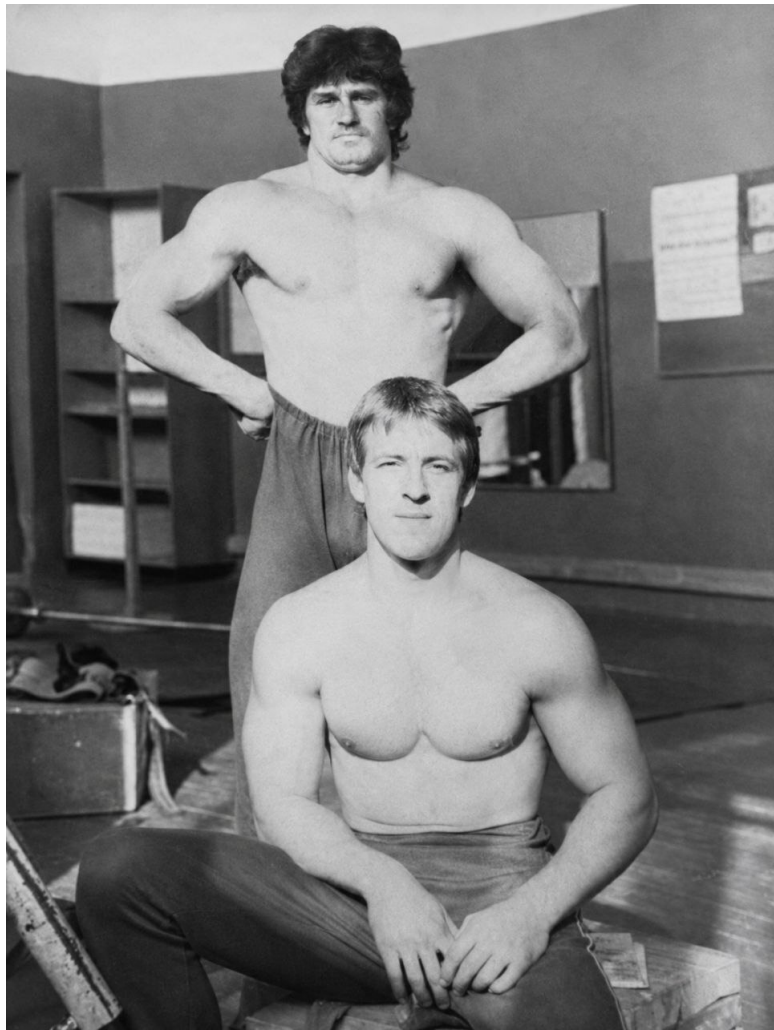
День наш начинался с приготовления завтрака, затем мы занимались уборкой. Далее приступали к приготовлению обеда, после – уборка. И снова готовили – уже ужин. Затем занимались наведением чистоты, а после... Нет, мы всё ещё не шли на заслуженный отдых, хоть и падали с ног. Мы продолжали готовить – только теперь уже на завтрак: продукты, нарезку различную.

Было очень утомительно проводить весь день на ногах, но это окупалось.

И вот однажды в апреле после турпоезда меня встречает мать.

– Мам, ты чего? Что случилось? – мама заметно нервничала, и я начал волноваться.

– Миш, тебе повестка в армию пришла, – мамин голос дрожал.

Глава 11. Армия

Так я и ушел в армию...

Как сейчас помню – восьмидесятый отряд, десантные войска отборные, в Прибалтике. Брали туда ребят крепких, не обделённых силой и ростом. Я подходил им по всем критериям: ростом был сто восемьдесят сантиметров, занимался спортом, качался, на турнике подтягивался пятьдесят раз, мог и на одной руке подтянуться (ребята-циркачи меня научили).

Раньше от армии тоже могли «отмазать» – но стоило это очень больших денег. Мы хоть и не бедствовали, но зажиточными нас тоже назвать нельзя было. Уходил в армию я спустя три дня после возвращения из командировки на турпоезде.

– Мам, да ладно, – я сгрёб её в охапку и обнял. В глазах матери стояли слёзы, а плотно сжатые губы слегка подрагивали. – Кого отмазывать? Всё нормально.

Забрали меня двадцать второго апреля, всех нас пригнали в Прибалтику, и мы начали служить.

Я хотел получить диплом и профессию (хоть что-то) перед армией, поэтому и пошёл в кулинарное училище. Однако, когда пришёл за документами, ждали меня далеко не самые приятные известия.

- Миша, извини, – виновато хлопали глазами в училище.
- Что такое? – насторожился я, шумно выдохнув.
- Мы забыли провести, что ты у нас числишься.

Напряжение, повисшее в воздухе, можно было пощупать руками.

– Это как же? Я ведь и на чемпионате по лыжам среди училищ участвовал, – первым очнулся я.

Это было троеборье. Я выиграл это соревнование. В него входило подтягивание, стрельба, прыжки и, наконец, сами лыжи – пять километров.

– Миш, мы забыли. Ты уж нас прости, – прогудел Михаил Фёдорович.

Делать было уже нечего с этим, и я ушёл в армию без профессии.

Там я попал в учебку, и тут же нас стали готовить в Афганистан. Всё началось в семьдесят девятом, я прибыл в армию в восьмидесятом. Познакомился и сдружился с ребятами из детдома новосибирского.

Смелые они были, ничего не боялись. Я же уличным был, так что язык общий мы быстро нашли – в обиду не давали себя.

Были мы в разведроте. После нас перевели в медсанбат. Считался он самым лучшим. Готовили нас фельдшерами для раненых на поле боя. Мы должны были хорошо стрелять, уметь вести рукопашный бой, быть физически здоровыми. Тренировались по пять-шесть часов в день.

У меня остались хорошие и тёплые воспоминания об этом этапе моей жизни.

Дедовщины у нас не было. Все были сильными, крепкими и цену себе знали. Дружно жили и деды, и фазаны – те, кто полгода отслужили.

От Афганистана меня уберег случай. Сестра прислала вырезку из газеты, где писали обо мне. Речь шла о том, как, якобы, из бандита и хулигана сделали совершенно другого человека – результат воспитания кулинарного училища.

Училище хвалилось своими успехами и достижениями в перевоспитании меня как личности и ученика – обучение окончил с отличием. Но ведь я там не числился, а потому в любой момент мог и вовсе оказаться за забором. Так что отдуваться мне приходилось по полной программе: и плясал, и танцевал, и участвовал абсолютно во всех мероприятиях.

Рядом с училищем соседствовала пятая школа, в которой я и учился. Каково же было удивление приглашённого преподавательского состава моей же школы, когда с доски почёта на всех присутствующих невозмутимо взирал не кто-нибудь, а я.

На самом деле Михаилу Фёдоровичу я благодарен – его условия меня здорово подстёгивали, и для лени и какого-то нежелания учиться просто не оставалось возможности.

Именно эту статью, посвящённую выбору места для поступления и мне как яркому примеру успеха воспитания одного из таких заведений, и прислала сестра. Занял текст по-

чти всю страницу.

В это же время до меня дошли известия о комбате – он должен был прилететь со дня на день (командир дивизиона Оганесян). На тот момент его повар уже уволился. Замену можно было подобрать, но это были ребята, только отучившиеся на скорых курсах: баланду варить в больших объёмах могли, да мясо на противень нарезать. Собственно, это каждый мужик мог сделать – самая простая стряпня.

– Ну и чего делать-то? – вопрос повис в воздухе, озадачив всех.

– Слушайте, я повар по образованию – два года отучился в училище, с отличием закончил, – вмешался я в это совещание.

– Да, хорош, – отмахнулись мужики.

Тогда я ловко выхватил из кармана статью, присланную сестрой, и протянул стоящим.

– Так, давай срочно туда, – скомандовал прапорщик, глаза которого округлялись всё больше и больше по мере прочтения страницы, – на дачу к Оганесяну.

Мы прибыли на дачу, и я сразу принялся за дело.

– Что он любит? – мой голос звучал деловито.

– Да квас, окрошку очень, – призадумался прапорщик, почёсывая затылок, – огурцы бочковые... О, и жаркое!

Мелочиться я не стал: сделал квас игристый, приготовил ароматное жаркое, горшочки со сметанкой и лучком душистым да еще и отменной окрошки наготовил.

– А на какое количество человек? – я решил уточнить.

– Да на шесть, – ответил прапорщик.

Не убедил его ответ меня – командование, и так мало людей... Решил я трапезу на пятнадцать человек подать.

– Там шесть только! – воскликнул прапорщик, увидев масштабы моей деятельности.

– Нет, пусть с запасом будет, – настаивал я. – Один придёт, другой. И потом, комбат один есть что ли будет? Он всех вас за стол пригласит.

Так я и сделал.

– Ну, ничего себе! – изумился Оганесян. – Саня! А, Саня! Ты чего же это, окрошку научился готовить? – посмеивался комбат.

Его туго набитый сытным обедом живот подрагивал в такт со смехом.

– Да нет. Саша уволился, – отозвался прапорщик.

– Как уволился? – не понял комбат. – Что же попрощаться даже не дали?

– Вот, курсант у нас тут, – продолжил прапорщик, – с медсанбата.

– Ну ты даёшь! – улыбался Оганесян. – Где же ты так?

– Отучился два года в кулинарном училище. Окончил с отличием, – объяснил я.

В тот день к комбату пришло двенадцать человек – приготовленного хватило всем с лихвой. Ещё и три порции осталось.

– Какой ты предусмотрительный! – удивился прапорщик.

– А как иначе? Люди придут вопросы решать, а комбат в это время есть один будет?

Так я там и остался, начал работать, постепенно освоился. Все остальные ребята отправились в Афганистан.

Подготовку дальнейшую никто не отменял – с парашютом прыгать тоже нужно уметь было. Не все шли, многие боялись. Я же прибыл в учебку.

– Буду участвовать, – спокойно сказал я.

– Как ты будешь?! – немало удивились в учебке.

– Да вот так, – ответил я, – буду.

На полигон мы отправлялись в три часа. Я грузил котлы с гречкой, рисом и тушёнкой. Затем кормил всех. А после вместе с ними шёл в самолёт.

Меня признали там все. Повара обычно боятся прыгать – их и не сыщешь там. На самом деле все боялись – просто перебарываешь страх и идёшь. Особенно с ИЛ-76. Там прыгаешь в боковой выход. Процессия вся проходила в порядке очереди, которая зависела от веса: сперва тяжёлые, потом средние, а напоследок самые лёгкие.

Был прапорщик один среди парашютистов – ростом сто шестьдесят сантиметров. Брал он с собой гантели по восемь килограмм – в каждый карман привязывал и прыгал. Изрядно утомляло всех ждать приземления без конца парящей и нарезающей круги над полями пушинки.

Служба моя в армии сложилась. Ребята были хорошие – с поварами я быстро сдружился. Они ингуши были. Нарушений за мной не было. Работал честно и на совесть. Параллельно с поварской деятельностью занимался спортом.

Приблизительно с полгода из кухни я не выходил. Так было положено, такие правила. До года нужно было отработать в плотном и довольно жёстком графике. А после уже можно было выдохнуть – появилась возможность отдыхать, нагрузка снизилась, по сути дела, уже больше присматривал за всем на кухне.

Я попал в офицерскую столовую. Пришёл как-то тот самый прапорщик не самого высокого роста.

– Поесть дайте, – скомандовал он.

Только никто из поваров и не шелохнулся. Все дружно устремили взгляды на меня.

– Обслужи его, – вкрадчиво сказал один из поваров.

Я пожал плечами и принялся за дело. Порции для прапорщика я подал такие же, как и всем офицерам. Посмотрев на тарелки, тот молча опрокинул всё содержимое подноса прямо на меня. Я стоял, совершенно не понимая, что и почему случилось, пока остатки обеда медленно сползали по мне, шлёпаясь на пол после. Остальные повара тихонько посмеивались в стороне, наблюдая развернувшуюся картину.

– Ты чего же это, а?! – завопил прапорщик, лицо которого приобрело пурпурный оттенок. – За поросёнка меня держишь?!

Я был в состоянии полного недоумения – ведь так подадут всем офицерам. Оказалось, что прапорщику требовалась чётко выверенная норма. Но выяснилось это не сразу. Ведь на следующий раз я подал меньше положенного. И снова по мне медленно и трагично сползал обед.

За то время, пока приспособился я к прапорщику и его предпочтениям, мои товарищи по кухне ещё не раз надрывали свои животы со смеху.

Был у нас ещё один прапорщик – отвечал он за столовую, за уборку на её территории. Проще говоря, начальник столовой. В наряд давали ему курсантов. Те шуршали по кухне, выдраивая её до сияющего блеска. Спать им было некогда, увы – уходили они в ночное дежурство. Однако, на счастье курсантов, столовая была довольно маленькой – вмещала она не больше восьмидесяти человек.

Я давал различные задачи присланным помощникам: начистить картофель, перемыть посуду и так далее. К слову, ребята управлялись с делами быстро. После оставались на кухне – хоть работа и была окончена, время самого дежурства ещё не вышло. А наш начальник любил внезапные визиты.

– Чего сидите? – загудел прапорщик. В это время надраенная столовая сияла.

– Всё сделали, – робко отвечали курсанты.

– Как всё сделали? – раздувая щёки, продолжал гудеть на-

чальник. – А ну! Несите пятидесятилитровую кастрюлю воды!

Спотыкаясь на трясущихся от страха ногах, курсанты приволокли полную доверху тару. В то же мгновение вода с плеском разлилась по полу – прапорщик опрокинул кастрюлю под ноги курсантов.

– Собирайте, – процедил тот.

Делать было нечего. В армии приказы даются для выполнения, а не обсуждения. Но со временем приспособились и здесь.

– Ну, как учёба? Идёт? – посмеивались дембеля, наблюдая за нашими периодическими страданиями.

– Да, идёт, – с улыбкой ответил я.

Интересное время было. Были трудности, но всё же я вспоминаю с улыбкой и лёгкой ностальгией прошедшее. И на душе светло и радостно всякий раз.

Нас много чего в жизни учит. Пожалуй, армия – тоже своего рода школа жизни. И довольно серьёзная: воспитывает, даёт опыт, тренирует, возвращает.

Я точно знаю и с уверенностью могу сказать: нужно везде и всегда оставаться человеком. Однажды мне сказали:

– Чужое не бери, своё не отдавай.

Учителя у меня были хорошие. Много я вынес из общения, пронёс через всю жизнь.

Нас обучали очень хорошо. Обучали для того, чтобы в ру-

копашном бою применять максимально эффективные техники – схватить за горло противника и сжать, к примеру.

Я крепко усвоил: самая значимая часть человеческой руки – от кисти до локтя. Вся сила заключается в сухожилиях. Всё, что выше (бицепсы, трицепсы и так далее), – чепуха. Система эта называется изометрия.

Я тренировался различными способами. Самые излюбленные были – турник, подтягивания, упражнения с цепями. Вся работа шла с собственным весом.

Глава 12. Армия, гипноз, Александр Засс

Много знаний для армейских тренировок я почерпнул из системы Засса. Александр Засс был весьма известным тренером. Человек обладал недюжинной силой – рвал цепи на груди, таскал коней.

С самого младенчества Александр Засс был хилым и слабым ребёнком, чьё здоровье не сулило никаких успехов ни в спорте, ни в чём-либо, связанном с физической активностью.

Так он и рос в своей деревне – неприметный, худой мальчик. Да и высоким назвать его никак нельзя было. Пока однажды не повстречал юный Александр старца.

– Как родится жеребёнок, – голос седовласого старика звучал твёрдо, – бери и клади его себе на плечи. Да ходи так каждый день с ним вокруг огорода.

Земли тогда в огородах было по пятьдесят-сто соток. Так Александр и сделал. Занимался с жеребёнком, носил его на себе по велению старца. Не знал мальчишка, что жеребята прибавляют по сто-двести грамм ежедневно, затем вес их растёт ещё быстрее – по пятьсот грамм.

Александр креп день ото дня, и жеребёнок рос тем време-

нем. Позже к этому прибавились упражнения по изометрии. Хоть ростом и не стал Засс выше, но хилым его уже никто назвать не мог.

Александр стал участником Гражданской войны. Сражался он на стороне Белой армии. На поле боя всегда был с верным другом детства – жеребёнком, ставшим сильным и крепким скакуном.

Однажды во время боя коня Александра ранили – несчастная пуля нашла цель.

Тренировки призваны укреплять и закалять не только тело, но и дух. Нет в бою тех, кто смерти не страшится, но дух решает всё – бросить и спастись или не отступать.

Как и прежде, взвалил Александр коня на плечи и понёс на себе. Перекрёстный огонь был остановлен. Ни одна из сторон не нарушила негласного – хоть и краткого – перемирия, покуда не унёс Александр с поля сражения боевого товарища.

Я читал эту историю очень давно, но она не стала менее трогательной. Слёзы и сейчас подступают.

Так я постепенно погрузился в мир спорта. У меня даже был свой кумир – Спартак. Герой старой киноленты отличался прекрасным телосложением, развитой накачанной мускулатурой – в отличие от его откровенно дохлых предшественников. Пришлась мне по вкусу и японская кинокартина «Гений дзюдо».

После, в армии, я увлёкся карате, растяжкой. В это же время я дружил с одним человеком – Виктор. Сам он был циркач, акробат. Многими умениями и талантами обладал Виктор, в частности, гипнозом. Я был скептиком в этом вопросе и не воспринимал всерьёз подобное никогда.

Однако однажды после отбоя, около одиннадцати часов вечера, мы не собрались нашей компанией. В качестве испытуемого выступал наш почтальон – паренёк из Риги, далёкий от спорта настолько, насколько это вообще возможно для человека.

Всё происходило в вестибюле – там располагались двухъярусные кровати. Виктор усыпил парнишку и приступил к демонстрации своих способностей.

Первым делом он велел тощему почтальону подтянуться на одной руке. Ко всеобщему удивлению, паренёк без колебаний и видимых усилий выполнил десять подтягиваний.

– Так, а теперь ты лыжник, – ровным голосом скомандовал Виктор.

Почтальон вхолостую помчался на лыжах незамедлительно.

– Пей воду, – приказал Виктор, протянув парню стакан. Парнишка послушно выполнил. – Ты чего пьёшь это? Это же водка!

Испытуемый тут же начал отплёвываться. Виктор тем временем продолжал:

– Так, теперь ты каратист и будешь драться с Мухаммедом

Али!

Почтальон наш выдал такое, отчего мы все повскакивали. Все ведь знали, что он буквально «нулевой»! Но не тут-то было – в ход пошли и руки, и ноги, выполняя виртуозные трюки.

Итоговым номером местного гипнотизёра стал следующий фокус. Виктор уложил парнишку на два табурета, вытянув его подобно струне. Стопы почтальона покоились на одном табурете, голова – на другом. Затем циркач весом в сто десять килограмм сел на несчастного. Но только с парнем ничего не происходило – он не прогнулся даже! Признаться честно, именно это поразило меня больше остального. Я был глубоко шокирован и изумлён.

– Ради всего святого, – увещевал Виктор, – не вздумайте смеяться. Если вы его разбудите – парень получит травму.

Так я воочию увидел силу гипноза. Вместе с этим зародилась у меня одна идея. Все мы были невероятно увлечены карате, да только вот растяжку никто не жаловал. Все ленились, игнорируя этот важный этап. Но под гипнозом тянулся абсолютно каждый! Шансов отвернуться не оставалось.

Мы стали собирать по рублю и проводить тренировки. Но чудеса свершались исключительно под гипнозом, а после пробуждения ловкости и гибкости как и не бывало...

Задорное было время, хорошие люди. Сейчас Виктор совсем в другое направление ушёл – военное дело, подготовка, имеет несколько своих школ. Мы по-прежнему общаемся.

Глава 13. Заработки в армии и возвращение домой

В общую столовую ходил один батальон. Ребята эти занимались тем, что набивали свои кулаки. И когда приходили в столовую – буквально кромсали посуду. По большей части кружки.

Стандартная армейская кружка с ободком сминалась, словно лист бумаги, в крепких руках этих ребят. Любого можно научить этому – по специальной системе.

Шуму наводили много эти буйные ребята. Залетая в столовую, кромсали всё: выбивали бачки чугунные, гнули ложки тремя пальцами и прочее безобразие творили.

Силы было – всё равно что у зверей.

В какой-то момент – он наступил довольно скоро – стало понятно, что нужно что-то делать.

– Отдайте эту столовую им на баланс, – наконец приказал командир дивизиона.

Но там не было общепитовского работника.

– Нам начальник нужен...

– Я вам Мишу отдам, – тут же отозвался командир.

И меня поставили в капитанскую должность – в то время, как я ефрейтор был.

После я стал зарабатывать на продуктах. Наглостью не отличался никогда, как и не страдал от жадности – поэтому прибавлял я всего по три грамма. Что это, когда ты кормишь две тысячи человек по три раза в день? Итого за сутки через тебя проходит шесть тысяч человек...

Не доложить крохотную часть продукта, но при этом сделать пересортицу – мясо на морковь, к примеру. Положено сто грамм – даёшь девяносто.

То, что удалось собрать, я оставлял для поддержки тех, кто приходил на кухню по зову пустого желудка после отбоя – дембеля, мои одноклассники и другие ребята. Раньше в армии так было положено помогать.

В своё время я работал в мясном цехе мастером обработки. Это было ещё до армии. Мясо привозили тушами. По правилам обработки на кости должно оставаться три процента. Я наловчился так работать, что эти проценты оставались мне.

На каждой проверке – без исключения – всегда сходился приход и расход, кости же после меня сияли.

Этот опыт мне помог и в армии. Смешно на первый взгляд, но в день свои пять килограмм мяса я всегда имел.

Продавал всего по два рубля за килограмм – я готовился к дембелю. Покупателями зачастую были жёны офицеров. Всё в дефиците было, поэтому торговал и перцем, и прочими продуктами. Так я копил-копил и, наконец, собрал три тысячи рублей. Но это только половина дела...

Возникал вопрос: как дальше? Как мне их переправить? Там же особисты... А ведь хотелось и подарки купить, да и просто потратить то, что сам же и заработал.

Дело шло к дембелю. Деньги эти я отложил и спрятал. Сам же поехал за сто десять километров в Вильнюс, взяв увольнение.

– Мам, пришли мне, пожалуйста, три тысячи рублей, – позвонив матери, попросил я.

– Одурел?! Где мне такие деньги взять? – вскрикнула та.

– Мам, пришли, – настаивал я, – потом обратно тебе всё отошлю.

Через две недели деньги я получил. Сразу после этого меня вызвали особисты.

– И зачем тебе, – невзрачного вида тощий сотрудник угрожающе ткнул пальцем в мою сторону, – денег столько?

Он буквально выплюнул последнее слово мне в лицо.

– Одеться, обуться, – пожав широкими плечами, ответил я. – Подарки родственникам.

Особист, раздувая ноздри, пыхтел и вглядывался в каждый мой глаз поочерёдно, пока я со скучающим видом разглядывал его товарищей.

Все они были на две, а то и три головы ниже меня. Я возвышался над ними, словно гора. Хоть особисты и старались не подавать виду, но их нервные переминания с ноги на ногу говорили сами за себя.

– А кем у тебя отец работает? – так ничего и не разглядев

ни в одном из моих глаз, продолжил сотрудник особого отдела.

– Главный инженер Липецкого комбината, – лукавая ухмылка сама очутилась на моём лице.

И они отстали от меня. Я забрал деньги и отправился за покупками. Себе купил пальто финское с подстёжкой, джинсовый костюм, матери взял отрез, платочки. Про сестёр тоже не забыл – подарки всем набрал.

На следующие выходные поехал на почту и перевёл матери эти три тысячи рублей. Можно сказать, что я их обналичил – на лад тех времён, просто и понятно.

С армии я уходил не с пустыми руками – работал всегда. И до этого на книжке шесть тысяч лежало, а за два года, что провёл на службе, порядка трёхсот рублей ещё «накапало».

Пятого мая я вернулся с армии и пошёл устраиваться на работу в трест ресторанов и кафе. Праздники были восьмого и девятого мая, а до этого – дни рабочие.

Пришёл в отдел кадров. Послужной список у меня был отличный – повар пятого разряда, хорошая служба, прекрасная характеристика.

До чего же я удивился, обнаружив, что начальником оказалась Руслана Ивановна. Она вела эстетику в кулинарном училище и была единственным преподавателем из всех, кто поставил мне «четыре». Всё остальное я вывел на «отлично». Очевидно, где-то не дотягивал в данном направлении.

Но всё было честно и законно.

– Миша! – лицо женщины засияло, когда та широко улыбнулась.

– Здравствуйте! – я был рад видеть своего старого преподавателя.

– Ну, как ты? – по-свойски спросила Руслана Ивановна.

– Хорошо. Поваром пришёл устраиваться...

– Нет! – резко оборвала та. – Есть для тебя должность получше.

Глава 14. Бармен

– Поваром ты не пойдёшь, – продолжила Руслана Иванова, – а пойдёшь буфетчиком третьего разряда.

– Как?! – запыхтел я.

– Миша, я лучше знаю! – ответила женщина с видом человека, что не терпит возражений.

Буфетчик на тот момент была модная профессия, только называлась – бармен. В Липецке в восемьдесят третьем году открылся после ремонта ресторан, и там же на втором этаже бар сделали. Весьма солидное заведение, в самой центральной точке. Туда-то я и устроился.

Для понимания: на Новолипецком комбинате сталевары получали зарплату двести рублей в месяц. Работа была у них очень тяжёлая – облачённые в робу, люди разливали сталь.

Помню, на работу меня взяла Александра Никаноровна. На эту вакансию народу была тьма – я же прошёл отбор своим трудолюбием, своими силами. Никогда не сидел без дела.

Всякий раз, когда приходил директор, я был занят: мыл полы, пылесосил, пыль протирал. Ребята, что пришли по блату, думали – будут их просто так там держать. Любой руководитель ищет работающего сотрудника, который не боится труда и не будет от него отлынивать.

Жил барин, и работали на него два работника – Иван и

Борис. С утра до вечера Иван пахал поле, за что барин платил ему рубль в день. Борис же трудился при усадьбе – то барину пятки почешет, то водицы принесёт, то муху отгонит.

Иван говорит барину: «Я целый день в поле пашу, спины не разгибая, потом умываюсь, живот надрываю, и ты мне платишь всего один рубль. А Борис в доме прохлаждается, а ты ему платишь во много раз больше. Разве это честно? Разве это справедливо?»

Барин отвечает: «Да, Иван, ты день-деньской в поле пашешь, спины не разгибая, потом умываешься, живот свой надрываешь. Но ты всего одну работу весь день делаешь. И за эту одну свою работу ты получаешь один рубль. Пока ты делаешь целый день всего лишь одну работу, Борис успевает выполнить много всяких работ. И за много работ он получает много рублей. Что же ты хочешь? Кто больше работ сделал – тот и больше получил рублей».

Трудолюбие и старательность всегда ценятся. И эта сказка-притча Александра Митрофановича Измайлова, как и сама жизнь, тому пример.

Александра Никаноровна родилась в очень большой семье, приехала из деревни. Силами своими она, начав работать посудомойщицей, доросла до должности директора треста ресторанов и кафе Липецкой области.

Для меня – я ведь тоже из большой семьи – это был почётный пример и ориентир. Видя моё усердие, любовь к труду,

Александра Никаноровна приняла и поддержала меня.

Живёт она также в Липецке. И сейчас ей уже порядка восьмидесяти пяти лет. С огромным уважением, благодарностью и теплом вспоминаю я эту сильную и яркую женщину.

Перерыв у нас был с семнадцати до девятнадцати часов. За это время нужно было выполнить ряд рабочих обязательств: уборка, подготовка к раздаче и многое другое. А к девятнадцати часам уже приходили посетители.

Всё это я успевал переделать за час двадцать минут. К тому же был у меня напарник, который всегда подстраховать мог. Оставалось ещё сорок минут – это время я посвящал тренировке. Поставил себе грушу в подсобке, да штангу в придачу привёз. Позже и напарник стал со мной заниматься. Директор не только не был против, но и одобрял моё увлечение. Люблю и уважаю спорт и по сей день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.